

Карина Демина

Леди и война.
Пепел моего сердца

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

В чужих амбициях и планах Изольде отведена весьма конкретная роль. Вот только она не желает быть марионеткой в чужих руках. И вынужденная разлука – вот та цена, которую приходится платить за шанс восстановить семью.

И всего-то надо: выстоять, перешагнуть через обиду и вернуться в разоренный Город.

Поверить, что среди всех обличий войны сохранилось и человеческое.

Дозваться.

И удержать Кайя на краю безумия.

Карина Демина

Леди и война. Пепел моего сердца

Глава 1

Обстоятельства непреодолимой силы

Перед тем как закрутить гайки, убедитесь, что болты еще не сперли.

Совет каретных дел мастера

Я помню возвращение в замок отрывками.

Гора дрожит и пятится, не позволяя коснуться. Гнев спокоен. Седло. Дорога. Оцепление. Сержант держится рядом, готовый поймать, если наша светлость вздумает лишиться чувств. Огненная река на деревянных подмостках факелов. Люди, которых слишком много, чтобы я и вправду могла потерять контроль над собой.

Они напуганы. И растерянны.

Они слышали отголосок гнева Кайя и теперь смотрят на меня, пытаюсь понять, что же произошло.

Не знаю.

Но сижу прямо. Спокойно. Улыбаться вот не могу.

Мелькает мысль, что снайпер, снявший Кайя, способен избавиться и от меня, но тут же уходит. Я больше не боюсь умереть.

Толпа тянется за нами. Женщины. Мужчины. Дети плачут... в ночных сорочках люди похожи на призраков, и я не могу отделаться от ощущения, что вот-вот они взлетят и растворятся в черном небе. Гроыхает гроза эхом выстрела. И я все-таки вздрагиваю, оборачиваюсь на звук.

– Уже недолго, – обещает Сержант.

Мост. И стража – сколько их? Сотня? Две? Больше, чем когда бы то ни было, – оттесняет толпу. Это рубеж, переступив который я признаю поражение.

Побег не удался.

Случается.

Но может быть...

– Нет, Иза. – Сержант понимает с полувзгляда. – Сейчас нам надо занять позицию и держать оборону.

– Где?

Он знает. И я тоже знаю, хотя совершенно не разбираюсь в позициях и обороне.

– Кривая башня. Один выход. Одна лестница. Пролеты перекрываются. Удобно. Не для наступающих, – уточнил он.

И я кивнула. Наверное, он прав. Бежать? А Кайя? Я сойду с ума, не зная, что с ним. И Кормак не упустит шанс объявить виноватой меня. Бегство – лучшее тому подтверждение. Будет погоня. Травля. Меня оставят в живых – пригожусь в перспективе. А вот Сержант и те, кто решится пойти за ним, обречены.

Что ж... мы принимаем бой.

Попробуем, во всяком случае.

– Сумеешь дойти? – Сержант помогает спешиться и передает поводья кому-то, кого я не вижу. Вижу спины. Плащи. Мечи. Факелы, жар от которых опалает волосы и щеки. Кольцо

стражи сжимается плотно. И подозреваю, что кольцо не одно. Но встречи все равно не избежать.

– Могу я узнать, – этот голос проникает за железный вал охраны, – что случилось?

– Нет, – за меня отвечает Сержант.

– До меня дошли слухи, что лорд-протектор погиб.

– Нет.

– Тогда где он?

– Далеко.

Все-таки, чтобы беседовать с Сержантом, нужны привычка и немалый запас нервов, которые у Кормака на исходе. Игра тоже далась ему непросто.

– Он вернется. – Сержант привычно спокоен.

– Когда?

– Когда-нибудь.

Вернется. Обещал ведь. И я дождусь. Здесь, в этом чертовом замке, где меня ненавидят.

– Дар Биссот много на себя берет.

Теперь я слышу угрозу.

– Нет. Дар Биссот по праву доверенного лица Кайя Дохерти исполняет его обязанности во время его отсутствия, какими бы причинами оно ни было вызвано. Препятствие в исполнении данных обязанностей будет расценено как мятеж.

Препятствие?

Кормак пришел не один. У него достаточно людей, чтобы начать небольшую войну. И у Сержанта хватает. Будет резня. Кровь, и... и я ничего не смогу сделать, разве что сдаться.

– Я всего лишь хочу побеседовать с леди.

– Леди не считает данное время удобным для беседы.

– А леди думала о том, что будет, если я обвиню ее виновной в... покушении на убийство.

Кривая башня. Узкие лестницы и шахта. Я вспоминаю о ней почти с теплотой, поскольку там буду в безопасности. Сейчас же, несмотря на стражу, я уязвима.

– Ваше обвинение будет рассмотрено лордом-протектором по возвращении.

– Если он жив.

– Поверьте, – впервые в словах Сержанта мелькает тень эмоций, – его смерть вы бы точно прочувствовали. Весь ваш город прочувствовал бы...

...огненный цветок на тонкой ножке.

Волна.

И пламя, сжигающее воздух, железо, камень, не говоря уже о хрупкой человеческой плоти. Что было бы, не доберись мы до храма?

Ничего. Ни города. Ни скалы. Ни Кормака с его интригами. Хорошая месть миру. Безумная настолько, насколько безумна сама идея мести. Додумать не успеваю: надо идти.

Иду.

Считаю ступени. Теряю стражу.

Хватит ли их на каждую ступеньку? И как долго придется стоять? Вдруг вечность? Я готова ждать вечность, но люди...

А вот и мои апартаменты. Наивная, я думала, что больше не вернусь сюда. Убрать успели, но камин не разжигали, и мне холодно, до самых костей, до дрожи, с которой я никак не могу справиться, хотя стараюсь. Но зубы клацают, пальцы и вовсе судорога сводит.

– Иза, сядь.

Сержанту нельзя не подчиниться.

– Пей.

Вода. И капля вина. Мне бы сейчас спирта, но нашей светлости алкоголизм не к лицу.

– Сейчас ты расскажешь, что произошло. Потом ляжешь спать. Завтра повторишь рассказ, и мы решим, как быть дальше. Ясно?

Куда уж яснее. Только вряд ли у меня получится заснуть. Да и с рассказом... Неожиданно для себя начинаю говорить. О дороге. Снеге, который обещал укрыть следы. О спящем городе. И паладинах – на них нельзя охотиться. О стене. Воротах. Кайя, который вдруг привстает... а если бы наклонился? Пуля прошла бы мимо... это же случайность! Пуля прошла бы мимо...

– Или попала бы не в плечо, а в голову. – Сержант умеет ободрить. Сердобольный, оказывается, человек. С бездной такта.

Зря на него злюсь.

– Если пуля в плече, то это не страшно.

Страшно. Когда алое и расплзается. И яд. И боль. И все сразу. А главное – несправедливо!

– Где он сейчас? – Я не сомневаюсь, что Сержант знает. Он вообще знает гораздо больше, чем говорит, и если думает опять отмолчаться... не думает.

– Центр. Библиотека. Точка нулевого притяжения. Там... люди и вещи перестают принадлежать мирам. И Кайя будет просто человеком. А пуля – куском свинца.

Все просто. Элементарно почти.

Как хочется верить.

– Иза, если у твоего мужа хватило сил сдержать всплеск и ума – перенаправить энергию на портал, то с пулей он как-нибудь разберется. Нам всего-то надо подождать пару дней. А теперь – отдых. Только... ты же справишься сама? Раздеться там и все такое... боюсь, я не могу верить слугам.

Справлюсь.

Честное слово. И не надо оставлять со мной Лаашью. Что случится в запертой комнате, на окнах которой решетки? Тем более не собираюсь я спать. Закрываю глаза. Прислушиваюсь к миру. Если Кайя жив, то... я ведь услышу его. Как бы далеко он ни был, услышу.

– Все будет хорошо, – обещаю ему. – Мы справимся...

Я верю.

Меррон никогда не боялась темноты. Скорее уж темнота была союзником: прятала, предупреждала об опасности, разделяя звуки на те, которые не причинят вреда, и другие, заставлявшие Меррон замереть. Но сейчас темнота ничем не могла помочь: Меррон негде спрятаться.

Комнатушка два на два шага.

Каменный пол. Каменные стены. Дверь без ручки. Солома на полу и пустое ведро. Меррон сразу дала себе слово, что скорее умрет, чем воспользуется этим ведром. Но чем дольше она сидела, тем сильнее хотелось в туалет.

Во всем чай виноват... и собственная глупость Меррон.

Чай заваривал Ивар, который учил Меррон зашивать раны. Шить приходилось на свежих свиных тушах, но Ивар уверял, что разницы особой нет, на людях удобней – шкура тоньше,

швы аккуратней выходят. Вот весь день Меррон только и делала, что резала, постепенно приучая себя к инструменту – у нее почти получаться стало, – и шила...

А потом Ивар посмотрел на часы и предложил выпить чаю.

Чай у него был особый: он сам выбирал чайный лист, а потом смешивал его с сушеными ягодами барбариса и черники, добавлял вишневых веточек, смородинового листа и мяты. Как было отказаться?

К чаю полагались сухие, верно вчерашние, лепешки и соленое масло.

Вкусно, особенно когда в желудке пусто.

Свиные желудки не так сильно отличались от человеческих. И когда Меррон озвучила эту мысль, Ивар смеяться не стал, но сказал, что свиньи изнутри действительно на людей похожи. Меррон возразила, что свиньи – это свиньи, а люди – совсем даже другое... Ивар тогда предложил ей самой свинью вскрыть и посмотреть, если, конечно, Меррон не брезгует грязной работой.

Подумаешь, свинья. Меррон человека резать доводилось!

Самой! Или почти самой!

В общем, со свиньей она кое-как управилась... и вынуждена была признать, что и вправду похоже. Особенно сердце. И что пальцы у Меррон вовсе не такие гибкие и сильные, как она думала. А Ивар успокоил, мол, пальцы надо разминать, и, подарив два стеклянных шарика, показал, как именно это делать. У него выходило легко, ловко, как у заправского циркача, а вот Меррон шарики то и дело роняла, хорошо хоть на юбки...

– Ничего, – сказал Ивар. – Получится. Не отступайся только.

– Ни за что! – Меррон спрятала шарики в кошелек, невольно отметив, что и это платье можно считать безнадежно испорченным. Мало того, что пропахло мертвецкой, так и выводком пятен обзавелось. Скоро у Меррон не останется платьев... И что делать?

Попросить Сержанта?

А он скажет, что Меррон сама виновата, надо быть аккуратней... или не скажет? Ей ведь не бальные нужны, а что-то простое, удобное и немаркое, как у Летти... или к тете заглянуть, попросить парочку старых... нет, стыдно.

И поздно уже.

Полночь давно минула, и Меррон давно пора было бы вернуться. Не то чтобы ее ждут – Меррон подозревала, что, случись ей вдруг исчезнуть, Сержант очень не скоро заметит пропажу, – но все-таки не в мертвецкой же ночевать!

А спать хотелось, тем более что вставать придется рано... надо повторить симптомы кишечных расстройств и способы лечения, док всегда спрашивает очень подробно. Меррон, конечно, учила, но... лучше, если она повторит.

Возвращалась она погруженная в собственные мысли, где нашлось место свиньям, платьям, слабым пальцам и прочим жизненным странностям, поэтому на незапертую дверь Меррон не обратила внимания. А увидев гостей, лишь удивилась.

И огляделась.

Снова удивилась: откуда в ее... ну ладно, не совсем чтобы ее... в чужом доме столько людей с оружием? А главное, что этим людям надо от Меррон?

– Кто-то ранен? – спросила она первое, что в голову пришло.

– Ранен, – ответил ей капитан и снял шлем. – В самое сердце.

Малкольм? Малкольм. Станный какой в этом железе... зачем ему броня? Меррон спросила.

– Затем, что лишь сталь защитит от предательского удара!

Если так, то, конечно, аргумент.

– А кто тебя предал? – Меррон подумала, что эта встреча даже на руку ей: Меррон жуть как неудобно, что она салон забросила. И она осознает всю важность их задачи, но... но в салоне хватает тех, кто готов менять мир. А док один.

И шанс у него выучиться тоже один.

Меррон не хочет его терять.

Только вот если вдруг Сержант появится, то выйдет неудобно. А с другой стороны, все эти, с оружием, пришли сюда открыто и, значит, имеют право? Она посмотрела на дверь и увидела, что та взломана. Как-то сложно все.

– Ты, – сказал Малкольм.

– Я?

Когда? Это ошибка... наверняка ошибка. Меррон никого не предавала!

– Идем. – Малкольм взял ее за руку и сжал. Больно же! И вообще, что он себе позволяет?

– Я закричу, – предупредила Меррон и сделала глубокий вдох, преисполняясь решимости завизжать, хотя визжала даже тогда, в старом амбаре, когда с деревенскими девчонками на женихов гадали. И ведь все видели что-то, а на Меррон, стоило к ведру с водой наклониться, свалилась крыса.

Хорошо, не бешеная.

Только об этом Меррон и успела подумать: ее ударили.

Очнулась она уже в комнате. Два на два шага. Дверь. Ведро. Солома.

Холод.

И удивление от того, как нелепо все получилось. Меррон не предательница!

– Я не предательница! – Она кричала, пытаясь дозваться до того, кто прятался за дверью. Бесплезно. Если ее и слышали, то всяко не верили. Или им просто наплевать? А Меррон едва не охрипла, когда же охрипла, то села на солому, сунула руки под мышки и стала повторять симптомы кишечных расстройств.

Все больше пользы, чем от слез.

Не дождутся.

...вялые кожные покровы... налет на языке... белая кромка... припухлость живота и болезненность при пальпации... жидкий стул или же наоборот, слишком твердый... при запорах помогает кора крушины или жостера, заваренная кипятком... для длительного лечения язвенных болезней следует заваривать рыльца кукурузы, также льняное семя или кисель из ягод голубики.

...диета...

...хотелось бы знать, Меррон покормят?

...лепешек было мало и давно... сколько вообще прошло времени? Много, если так хочется в туалет... но ведром Меррон пользоваться не станет.

Из упрямства.

А Малкольму выскажет все, что думает о нем... Малкольм разозлится и... снова ударит? У Меррон наверняка синяк появился. Интересно, Сержант заметил бы синяк?

Вряд ли.

И Меррон рассмеялась, она смеялась долго, громко и почти до слез: конечно, дело не в ней. В нем. Он не забыл про ту несчастную сигарету. И с тетей разговаривал, а тетюшка рассказала про леди Мэй... и про то, чем можно отвлечь Меррон, чтобы она не успела

предупредить друзей об опасности.

Дура!

Свадьба эта поспешная... док... вскрытие... занятия, которых слишком много, настолько, что Меррон едва-едва справляется, куда ей о салоне думать... поманили мечтой, как осла морковкой, а она и рада бежать. Не понятно только, откуда вдруг такая забота. Задержал бы вместе со всеми.

Или боялся собственное имя замарать?

Но какая разница, выходит, что Меррон виновата. И вправду предала. Нечаянно, но... этим не оправдаешься. А Меррон оправдываться не станет! Пусть будет все как будет...

И побыстрее бы.

Не надо было столько чая пить.

Только оказавшись по ту сторону портала, Кайя позволил себе закричать.

Голос увяз в пористых стенах камеры.

Стены. Гладкие. Двери нет. Окон нет.

Ничего нет.

И как выбраться? Кайя потом подумает. Сейчас у него другая проблема. Затянувшаяся было рана раскрылась, и по спине потекло горячее. Но боль отступила, концентрируясь в плече.

Еще немного, и Кайя сумеет дышать.

Нащупать входное отверстие, которое слишком мало и неудобно расположено. Вытащить нож из ножен... действовать надо быстро, пока сознание сохраняет ясность.

– Система предупреждает, что выбранный сценарий не является оптимальным. Система предлагает объекту использовать стандартный модуль.

Лишенный интонаций голос мог принадлежать лишь одному существу. И пожалуй, сейчас Кайя был рад его слышать.

– Где?

Часть стены исчезла. Открывшийся за ней коридор был естественным продолжением комнаты. Та же неровная, теплая в прикосновении поверхность, кажущаяся живой. Ни стыков. Ни сочленений. Рассеянный свет, источник которого невозможно определить.

– Система сообщает, что изменение вектора выброса ментальной энергии позволило избежать негативного воздействия на живые объекты.

– Я рад.

– Но система зафиксировала повреждения транспортной системы.

– Извини.

– Система не фиксирует в голосе объекта интонационного подтверждения наличия эмоции раскаяния.

– Я не раскаиваюсь.

Поврежденный портал, в принципе созданный для критических ситуаций, был малой платой за то, чтобы спасти город.

– Система задействует дублирующие контуры транспортной системы, что сделает возможным обратный переход. Система просит санкционировать регенерацию основных контуров транспортной системы.

– Да. Делай, что считаешь нужным.

Коридор не поворачивает, скорее, изгибается, и пол то становится выше, то ниже.

Далеко еще? Далеко Кайя не вытянет. Он отвык быть слабым. А дойти надо.

– Системе было отказано в контакте с объектом.

– У меня имя есть.

– Системе разрешено использовать имя?

Боль то стихает, то вспыхивает. Но эта – ничто по сравнению с той, к которой Кайя был не готов. Сам виноват. Расслабился. Поверил в собственную неуязвимость.

И едва не убил всех.

– Системе требуется подтверждение.

– Используй. Имя. Я дойду?

– Вероятность девяносто девять и девять десятых процента.

– Я выживу?

– Вероятность девяносто семь и три десятых процента.

Уже легче. И коридор заканчивается, точнее, разрастается в некое подобие пещеры. Складчатый потолок и бугристые стены. Пол, покрытый толстым слоем слизи, из которой поднимаются суставчатые хвосты, словно змеи, увязшие в прозрачной смоле. Змеи покачиваются и разговаривают друг с другом мелодичным звоном. Если, конечно, звенит в ушах не от потери крови.

– И что это?

Кайя ждал... он не знал, чего ждал. Операционного стола, вроде того, которым пользуются полевые хирурги. Со стальным покрытием, желобками для стока крови и ремнями.

Доктора, столь же неживого, как Оракул.

Чего-то кроме, но похожего, смутно знакомого такому дикарю, каким был он.

Змеи поворачиваются к Кайя, звон нарастает, и по слизи-смоле идет рябь.

– Моя жена... – Если прислониться к стене, то стоять легче. – Я должен знать, что с моей женой. На ней маячок. Ты можешь защитить ее? Пожалуйста.

Из слизи формировался пузырь. Полный. Тонкостенный.

Растущий.

– Система определит местоположение объекта. Возможности физического воздействия системы на живые объекты ограничены. Вмешательство системы допустимо в случае непосредственной угрозы существованию человеческой популяции на подконтрольной Кайя территории.

– Если... – Кайя облизал губы, – если с Изольдой что-то случится, я уничтожу эту популяцию.

– Система предполагает низкую вероятность исполнения данной угрозы. Возможности физического воздействия Кайя на живые объекты также ограничены.

– Найди Изольду!

Пузырь разрастался. От поверхности его к потолку протянулась витая нить, словно пуповина. А пузырь наполняется жидкостью, мутной, кровяной.

– Найди. Иначе какой смысл?

– Вопрос не понятен. Система не обладает возможностью адекватной оценки абстрактных категорий. Система установит местоположение объекта. Система не имеет ограничения на вербальное воздействие. Система исполнит заявку.

Это следовало считать согласием. Вербальное воздействие? Это словами... возможно, слов, сказанных Оракулом, будет достаточно.

Кайя выронил нож.

– Скажешь ей, что со мной все хорошо?

– Да.

– И что ей не о чем волноваться?

– Амниотический модуль сформирован. Система предлагает Кайя воспользоваться им.

Пузырем? Как? Кайя ступил на слизь, которая оказалась твердой. И скользкой. Положив ладони на стенку пузыря, неожиданно плотную, кожистую даже, Кайя ощутил пульсацию.

Но ни кнопок, ни рычагов не увидел.

– Если Кайя готов, система даст сигнал.

– Нет. Погоди. Мне раздеться?

– Искусственные покровы будут растворены. Металл будет растворен. Предметы, представляющие ценность для Кайя, следует оставить вне полости камеры.

Предметы... кольцо. И медальон, который не получается расстегнуть, но Кайя пробует раз за разом, потому что не желает рвать цепочку. Попытки с двадцатой выходит. Ближайшая змея свивается желто-красным клубком, в центр которого Кайя кладет медальон. Добавляет кольцо. И нож. С остальным возиться некогда...

– Я готов.

Наверное.

Он не успевает понять, как оказывается внутри пузыря. Жидкость тягучая, едкая залепляет глаза, заливается в нос. Кайя сжимает губы, не желая вдыхать ее.

Не выплыть. Не вырваться.

Тело немеет. Теряет вес. Движения замедляются. И спазм заставляет сделать вдох. Одного достаточно, чтобы заполнить легкие. Воздух выходит цепочкой пузырьков, которые оседают на внутренних стенках камеры.

Боли нет.

Страха нет.

Только покой и та ощущавшаяся извне пульсация.

Глава 2

Тревожные дни: начало

Если вы не боитесь темноты, значит, у вас плохо с воображением.

Признание человека,

которому удалось приручить монстра-живущего-под-кроватью

Сержант не был готов к тому, что произошло.

Он собирался возвращаться в замок, когда услышал отголосок алой волны. Далекий. Знакомый.

...огненная плеть разворачивается спираль за спиралью.

...жар идет изнутри.

...кровь льется из носа и ушей. Звуки уходят. Разум рассыпается, как стекло под ногами.

Разноцветное стекло витража в маминой спальне.

Желтый. Синий. Зеленый.

Остается только красный.

Красная ночь – это даже красиво. Дар забирается на подоконник и всем весом наваливается на решетку, сиюсь вытолкнуть ее из проема. Кажется, режет руки. Но боли больше нет. Только желание пойти туда, где пламя танцует на крышах домов. Из окна все замечательно видно... а решетка упрямая.

Дар не отступит.

Ему очень надо туда, к людям. Или людям к Дару.

Зачем?

Ответа пока нет, но Дар непременно поймет, что ему делать, когда увидит людей.

Дверь, надежная и красивая, – мама говорила, что ее привезли из-за моря, только там растут деревья с древесиной нежно-розового цвета – разваливается пополам. А Дар отпускает решетку. Спрыгивает с подоконника. Он босой и чувствует, как стекляшки впиваются в кожу, но сейчас, красной ночью, это кажется нормальным. Как и следы на полу.

Люди ждут.

Они давно пришли во дворец и поселились здесь, хотя мама и была против. Она говорила брату, что боится их, а брат смеялся. Не надо бояться людей.

Они такие же, как мама. Отец. Дар.

Все равны.

Особенно если ночь за окном красная.

– Смирный щенок. – Чья-то рука хватает Дара за шиворот и подымает. Трещит холстина – брат сказал, что равные люди должны носить одинаковую одежду, – но выдерживает. На Дара смотрят.

Красной ночью у людей красные глаза.

И лица одинаковые. Разные, но одинаковые тоже. И Дар никак не может разгадать эту странную загадку. Как такое возможно? Он висит смиренно, даже когда его встряхивают.

От людей плохо пахнет. Хуже, чем обычно.

И когда грязные пальцы лезут в рот, Дар дергается. Получает затрещину и свободу. Надо бежать, но... брат говорил, что Дар должен быть ближе к людям.

К тому же он еще не понял, что ему делать.

Ведут, подталкивая в спину. И смеются, глядя, как Дар пытается переступить через тело. Он узнает человека – дядька Вигор, который папиной охраной командовал, – и удивляется, почему тот лежит. Ночь за окном. Красная. Идти надо.

А дядька Вигор мертвый. Совсем.

И другие тоже.

К одному Дара подводят и заставляют смотреть на развороченный живот, приговаривая, что так будет со всяким, кто не желает признать, что люди равны. И Дар соглашается: это справедливо.

Еще немного, и он поймет.

Алая плеть снаружи звенит надрывно, словно нить, натянутая до предела, и нитью же рвется, выпуская в город много-много огня...

...однажды брат создал из пламени кошку, и та сидела у Дара на коленях, смиренная, ласковая.

Играть позволили...

...в город выбежало множество огненных кошек.

Отец лежит в конце коридора. И мама с ним. Вернее, за ним, в нише, где раньше стояла высокая ваза. Дар узнал мамино платье из темно-синего мягкого бархата, который ему жуть как нравился – шелк скользкий, а бархат, он живой почти.

Крови много. Мама говорила, что в человеке целый кувшин крови наберется, но тут – больше.

И папа меч выронил. Он никогда не ронял оружие.

Присев на корточки – люди окружили, – Дар меч взял, вытер рукоять, чтобы не скользила. Поднялся.

– А ты говоришь, детей убивать нельзя, – с удовлетворением сказал человек. – Всех вырезать!

На губах его появилась пена.

– За что? – Дар со стороны слышал собственный голос.

– За свободу!

Странно. Разве мама мешала кому-то быть свободным? С другой стороны, он понял, что нужно делать с людьми.

Дар вышел из дворца, волоча меч за собой. Острие царапало камни, и мерзкий звук отпугивал огненных кошек, которых и вправду было много. Они носились по крышам, скрывались в окна и рычали, если Дар подходил близко. Иногда встречались люди.

Людей Дар убивал. Это оказалось проще, чем он думал: люди были странными, ночь их изменила.

На площади Дару преградил путь человек в черном доспехе.

– Ты кто? – спросил он.

– Дар Биссот.

– Еще кто-то из твоих выжил?

– Нет.

– Брось меч.

– Нет.

От пинка Дар не сумел увернуться. И, отлетев, ударился в стену, но меч не выпустил.

– Брось, – повторил рыцарь, наклоняясь. Глаза у него были рыжими, как у брата в последние дни.

– Нет.

Дар вцепился в рукоять изо всех сил. И держал, сколько получалось. Огненные кошки сбежались посмотреть. Они расселись по крышам, заняли окна, а некоторые, самые смелые, спустились на землю. Но ни одна не рискнула помешать черному человеку.

Очнулся Дар в куче сена от боли. Никогда раньше ему не было настолько больно, и Дар стиснул зубы, чтобы не заплакать. Пальцы не шевелились. В груди что-то хрустело. Но двигаться он мог. И полз, пытаясь выбраться на волю.

– Ох ты, горе луковое! – Его вытащили из соломенной кучи, и Дар все-таки заскулил.

Ночи больше не было. День. Свет яркий до того, что смотреть невозможно. Воздух, который изнутри разъедает, а дышать приходится ртом, потому как нос забит.

– Не шевелись, хуже будет.

Перевернули на бок, укрыли чем-то теплым, лохматым, пахнущим мокрой шерстью и дымом.

– Не смотри...

Дар смотрел. Наперекор. И потому, что должен был видеть. Край одеяла из овчины. Солому. Тюки, наваленные безо всякого порядка. Крестовину меча. Солдат, идущих рядом с повозкой. Дорогу. Кресты... много крестов. Людей на них. Люди еще жили. Кричали. Плакали. Стыли. Говорили что-то, и Дар радовался, что умрут они не скоро. Но когда умрут, то будут наконец свободны.

Они ведь именно этого хотели...

Крестов хватило на три дня пути. На четвертый Дар сдался и начал есть.

Красная ночь возвращалась в снах до самой смерти Арвина Дохерти. В последний год его жизни Сержант каждый день ждал выброса. Ошибся.

И вот теперь снова.

Грохот нарастал и, верно, был слышен и обычным людям. Сержант отстраненно думал, что не успеет сделать все.

Вернуться в замок.

Найти Меррон. Забрать Снежинку.

Пробиваться лучше в порт. Там – лодка, и до острова... в городе нет никого, кто хотя бы частично поглотит удар. Люди обезумеют. Сколько нужно времени, чтобы они перебили друг друга? Или хотя бы ослабели достаточно, чтобы выбраться за пределы... города? А за чертой? Как далеко накроет откат?

Волна набирала силу и... гасла, не достигнув порога. Набирала и...

– Гарнизон к оружию! – Сержант толкнул оцепеневшего дозорного. – Всех поднимай!

Гасла... гасла...

Рвалась.

Не вырвалась. Умерла нерожденной, и в наступившей тишине Сержант слышал, как в едином ритме стучат сердца людей, которых вдруг стало много. Они слышали зов и были готовы откликнуться...

...как и горожане.

Высыпали на улицы. Напуганы. Растеряны. Не знают, что чудом живы остались, и лезут

под копыта.

– С дороги!

Хорошо, к эпицентру не сунутся, не по знанию, но подчиняясь инстинктам. Иногда даже хорошо, что люди – это животные.

Впереди – распахнутые ворота, чернота храма и яркая мурана, потянувшаяся было – чувствует родство, – но отпрянувшая: не признала.

Изольда в полудреме.

Кровь на полу... немного.

И храм стоит, значит, получилось. Город пощадили. Изольда жива. Дохерти вернется. Осталась малость – дожить до возвращения.

Разум рассчитывал варианты. Немного. Пробиваться к границе или хотя бы на Север. Сколько пойдет за Сержантом? Сотни две, вряд ли больше. И долго эти сотни не продержатся.

Корабль?

Море зимой беспокойно. Да и Сержант ничего не смыслит в корабельных делах. Значит, придется довериться. Нельзя доверять.

Остается замок. Осада. И надежда, что Дохерти соизволит не задерживаться в нулевой зоне.

Вернуться получилось, как и добраться до Башни.

Выставить охрану.

Опоздать к Меррон.

Сиг, которому поручено было найти и взять под охрану, лишь руками развел и пробормотал, оправдываясь:

– Какого ляду ты сразу охрану не приставил?

Сержант и сам себя спрашивал. Ответа не было, кроме собственного тупого упрямства и желания сделать все наперекор. Ему ведь рекомендовали. Предупреждали. Настаивали.

И померещилось, что принуждают.

– И это... там к тебе... – Сиг отворачивается.

А ведь Меррон ему не по вкусу пришлась, высказался, что Сержант к одной кобыле вторую нашел.

Леди Элизабет сидела за столом, на том самом месте, которое облюбовала ее племянница. Та забиралась на стул с ногами, и узкие длинные ступни выглядывали из-под полы. В задумчивости Меррон шевелила пальцами и почесывала пером пятку. А потом совершенно искренне удивлялась, откуда на чулке чернила. Она тяжело привыкала к смене места. Беспокоилась. Вздрагивала от малейшего шороха, сама того не замечая. Стеснялась трогать его вещи.

И бесстыдно спала нагишом.

– Я... – Леди Элизабет сглотнула. – Прошу прощения, что... без приглашения, но...

Она не представляла, как сказать то, что должна была. И Сержант помог.

– Вас прислали сообщить мне, что Меррон вернут, если я проявлю благоразумие.

– Д-да.

Надо было слушать, что говорили. И самому думать. Спрятать. Запереть. Запор не спас – дверь выломали, показывая, что в этой игре сменились правила. Кормак больше не собирается соблюдать закон.

А ведь казалось, успеется, есть время в запасе и нет мотива. Доверенное лицо –

слишком незначительная фигура, чтобы руки мараить.

Кто знал, что счет пойдет на минуты?

Кто-то знал. И отдал приказ вынести дверь. Охрану тоже вырезал бы. Но это – не оправдание.

– Если вы не согласитесь, – по тону леди Элизабет стало очевидно, что она именно так и думает: Сержант не согласится, – то Меррон убьют. Вам просили передать...

Сверток на столе, на который леди опасается смотреть: ее уже ознакомили с содержимым. Сержант медлил разворачивать тряпицу, пропитавшуюся кровью, побуревшую, заскорузлую.

Они не причинят вреда Меррон.

Ценный товар.

Пока уверены, что ценный, – не причинят...

В холстине – палец и прядь волос. Палец мужской, слишком толстый, короткий и с желтым ногтем. Да и резали после смерти. А вот волосы – Меррон.

– Это не ее палец. – Сержант взял прядку, перевязанную красной нитью. – Она цела и будет цела.

Некоторое время. Потом убьют, даже если он исполнит то, что просят, – а Сержант сомневался, что сумеет исполнить. Кому нужны свидетели? Вопрос лишь в том, насколько мучительна будет эта смерть. Возможно, Меррон повезло, что она некрасива.

– Кто вам это принес?

– Леди Мэй.

Мелькнула надежда, что шанс все-таки есть. Обменять Меррон на тех любителей литературы, которые ждут возвращения лорда-дознателя. Среди них, кажется, две дочери леди Мэй.

А вот сын ушел. Жаль. С сыном надежней было бы.

– И чего она хочет?

– Чтобы вы передали леди Изольду под опеку Совета.

Шанс умер.

– Завтра к вам обратятся... представители... и если вы... вы откажете...

Она все-таки разрыдалась, а Сержант ничем не мог ее успокоить. Он откажет. И попробует потянуть время. Выторгует сутки. Или двое. А дальше... всегда кем-то приходится жертвовать. Он ведь предупреждал об этом. Одна радость – за порогом жизни Меррон не придется долго.

А еще будет вечность, чтобы объясниться.

Вечность – это долго. Возможно, когда-нибудь Сержанта простят.

Срезанную прядь Сержант спрятал в карман, огляделся... место так и осталось чужим, как все предыдущие места, в которых случалось останавливаться. Из вещей жаль было лишь фарфоровую кошку. Ее Сержант стащил у леди Элизабет, почему-то казалось, что с этой дурацкой кошечкой Меррон легче перенесет смену места жительства. И нехорошо бросать обеих.

Кошку он тоже забрал.

Юго удалось вернуться незамеченным. Люди были слишком взбудоражены, чтобы обращать внимание на других людей, тем более столь незначительных.

Они слышали то же, что слышал Юго?

Слышали. И знают, что город едва не погиб. И Юго тоже. Но он жив, и это хорошо.

Умылся свежим снегом, горсть отправил в рот – талая вода всегда придавала сил. Спрятавшись у разбитого окна – чьи-то нервы сдали, – Юго задумался. Контракт исполнен, и он в любой миг может покинуть мир.

Он всегда уходил.

Это логично. Разумно. Предусмотрительно.

Но сейчас... ему не хотелось.

Думалось о брошенной винтовке, которую всенепременно найдут. О том, что винтовка слишком чуждая для этого мира, и, следовательно, будет очевидно, что принесли ее извне. Это ли не лучшее доказательство вины недоучки?

Имеется мотив.

Имеется возможность.

И если бы город все-таки задело, никто не стал бы искать правды. Кому она нужна? Нужен виновный, тот, кого уже в достаточной мере ненавидят, чтобы ненависть стала лучшим из доказательств.

О да, Тень, маленькая хитрая тварь, сбежала, не желая видеть, чем закончится ее игра. Испугалась? Юго и сам испугался. Тогда, на площади, Дохерти тоже едва не вспыхнул, но иначе. Эта же волна была другой. Всем бы хватило, в том числе и Юго. Но Кайя Дохерти добрался до храма, город уцелел, и стоит ли гадать о том, что было бы, окажись протектор на Белом камне. Оттуда выбраться сложнее. А город в достаточной мере близок, чтобы задело. Разрушило. Но не до основания...

Безумные, безумные люди... напуганы. И со страху творят куда больше глупостей, чем обычно.

Юго надо решить, что делать дальше. Новый контракт помог бы, но следовало хорошенько подумать над тем, с кем его заключать.

Утро началось с рассветом. Я сумела встать с постели, приняла ванну и оделась не без помощи Лаашьи. Благо за ночь в Башне появилось множество крайне полезных вещей.

Выбрала платье из ярко-красного бархата с золотым шитьем и алмазными капельками. Платье было вызывающе роскошным, но я должна выглядеть как леди и хозяйка замка, а не заключенная.

К платью подошло ожерелье из крупных рубинов.

Жаль, цепь и корона в сокровищнице, а я понятия не имею, как туда добраться.

Обойдусь.

Подали завтрак. Я заставила себя есть, потому что еда – это силы, а силы мне понадобятся. Лорд-канцлер желает говорить со мной? Наша светлость готовы уделить ему время.

Но сначала нам нужен совет. И кое-какие детали выяснить.

Голова была ясная. Мысли – четкие. Злые.

Отрывистые.

Никогда прежде я не ощущала себя настолько сосредоточенной. Пожалуй, никогда прежде моего мужа не пытались убить всерьез. Но о нем-то как раз вспоминать не стоит – расклеюсь.

Сержант появился именно тогда, когда я была готова к встрече с ним.

– Доброе утро, леди. – Спокоен, привычно отстранен, словно происходящее волнует его крайне мало. Этот человек – мой единственный щит, и я знаю, что он вынужден будет

защищать меня, но... знаю, что приказ возможно обойти. Мне нужен не сторожевой пес, а союзник. Вот только как-то не ладится у меня с союзами.

– Доброе утро. Наверное.

– Вы выглядите подобающим образом.

– Кормак будет впечатлен?

– Вряд ли. – Сержант присел.

А он не переоделся даже. Он вообще отдыхал? Сомневаюсь. И если отдохнет, то нескоро. Сколько у него людей? Таких, которые верят? И при необходимости возьмутся за оружие?

– Кормак будет испытывать вас. Обвинять. Унижать. Угрожать. Все, что угодно, лишь бы вывести из равновесия.

Это я понимаю. Не понимаю лишь, почему Сержант избегает смотреть в глаза. Со вчерашнего вечера что-то изменилось, но я не понимаю, что именно.

– Он предложит сделку. Но не вздумайте соглашаться.

– Какую сделку?

– Даже если вы согласитесь, это согласие ничего не будет значить для меня. Равно как и ваши приказы. Я им просто не подчинюсь.

Откровенно. И странно, но следует дослушать.

– Мой долг – обеспечить вашу безопасность. Любой ценой.

И ему цену уже озвучили.

– Поэтому до возвращения вашего мужа вы не покинете Башню.

– Где Меррон?

Его нельзя запугать или подкупить, но можно шантажировать.

– Это не имеет значения. Дети протекторов в основном наследуют способность к изменению. Но встречаются и такие, как Магнус. Или я.

Не имеет значения? Что значит это его «не имеет значения»?

– Анализ крови позволяет сделать определенные выводы. В моем случае была допущена ошибка. В теории я должен был измениться, поэтому и учить меня начали рано. Однако к восьмилетнему возрасту я оставался... нормальным. Было решено, что брат меня подавляет. Два года я провел в нулевой зоне. Там довольно интересно, если найти с системой общий язык, но инициировать изменения не удалось.

Молчу. Слушаю. Вопросы мне позволят задать позже, но не факт, что ответят.

– Я вернулся домой и увидел, что дом стал другим. Брат стал другим. Темнее. Если понимаете, о чем речь.

Понимаю. И Сержант продолжает рассказ:

– Отец пытался его удержать в рамках и пропустил момент, когда еще можно было уехать. Впрочем, он сам не способен был покинуть пределы протектората, а мать отказалась уходить одна.

– А ты?

Неуместный вопрос, которого Сержант попросту не слышит.

– Брат и вправду думал, что делает мир лучше. Всем и поровну. Всего. Исчезнет нищета. Грязь. И болезни тоже...

Понятно. О том, чтобы отослать Сержанта в безопасное место, никто не подумал.

– Он расшатывал мир, а мир расшатывал его. Идея развивалась. Богатых не стало, но число бедных отчего-то не уменьшилось. Во дворце появились свободные люди. Они и

вправду решили, что свободны во всех желаниях. И в стремлении уравнивать всех только наша семья все равно оставалась иной. Вот если бы ее не стало...

Как понимаю, к этому логическому выводу и пришли те самые свободные люди.

– Протекторы опоздали. Я не видел, как это было, но знаю. Брат убил отца. Мать. А потом просто позволил волне выплеснуться на город. Ее погасили, насколько смогли, но людям хватило. Волна стирает разум, снимает все границы. Остается желание убивать. Оно... не безумное, скорее, очень естественное. Правильное. Я остановился, встретив Арвина Дохерти. Вернее, он меня остановил. И останавливал еще несколько лет.

И, судя по мелькнувшему выражению, сделал это не уговорами.

– Мне до сих пор нравится убивать, но я это желание контролирую. Все люди, которых распяли, были изменены волной. Протекторы использовали их... как предупреждение.

– Для кого?

– Для других людей. Но и этот урок, похоже, подзабылся. Если бы вчера вы не дотянули до храма, мир получил бы новый.

Вот и суть огненного цветка. Ядерный взрыв? Нет, пожалуй, ядерный взрыв куда как милосердней.

– Арвин Дохерти взял с меня клятву служить семье. Вернее, выбил. Вероятно. Я был довольно упертым. И отказывался подчиняться. Ему надоело. И однажды я просто не сумел проигнорировать приказ. Потом были другие. Много. Пока Дохерти не убедился, что я веду себя правильно. Тогда он оставил меня в покое. Полагаю, временно. К счастью, он умер. Я не знал, насколько твой муж... не похож на него. И сделал единственное, что мог, – не привлекал внимания.

И у него получалось, пока однажды наша светлость не совершила незапланированную прогулку.

– Изначальный приказ – оберегать тебя. От всего. Любой ценой. Но... – Сержант сжал кулак, и пальцы хрустнули. – Но этот приказ не нужен. Нельзя допустить здесь того, что было во Фризии. Люди не понимают, какой силой пытаются управлять. Им кажется, что твой муж – добрый, мягкий человек, на которого можно и нужно воздействовать. Сам виноват. Но он не человек. Потеряв ориентир, Кайя Дохерти из самых благих побуждений утопит эту страну в крови. Их же руками. Их же желаниями. Поэтому, Изольда, дело не в тебе. Не во мне. Не в Меррон. В них. И в том, чтобы не позволить им убить себя.

Остановить детей в их затянувшейся игре над пропастью во ржи?

Но детей больше. Они сильнее. И считают, что правы.

– А что будет с тобой?

Не спрашиваю, как вышло, что он не защитил Меррон. Сержант и сам задаст себе этот вопрос. Возможно, найдется с ответом.

Он попытается ее найти, но...

– Не знаю. Вряд ли что-то хорошее, но на мире это не отразится.

Глава 3

Переговоры

Никогда не делайте зла назло! Гадости должны идти от души.

Девиз доброго человека

Меррон заснула. Она не собиралась спать, потому как спящий человек, во-первых, беззащитен, во-вторых, не способен придумать план побега, а в-третьих, из чувства протеста, но все-таки уснула.

На полу.

Пол был холодным, а сон недолгим и муторным. Меррон опять от кого-то пряталась, понимая, что прятаться бессмысленно, бежать тоже. Но когда закрипела дверь, Меррон вскочила, намереваясь именно бежать... только нога затекла. И плечо. И вообще, как побежишь, когда на твоём пути сразу двое, в железе и при оружии.

– Не шали, – предупредил тот, который повыше. – Хуже будет.

Куда уж хуже?

Хотя... пожалуй, Меррон пока воздержится выяснять, пусть думают, что она испугалась. И вообще надо вести себя так, как положено вести женщине, попавшей в непростую ситуацию.

В обморок?

Или просто заплакать?

– П-пожалуйста, не трогайте меня! – Она заслонила лицо руками, сквозь пальцы разглядывая визитеров. – Умоляю!

Получилось не слишком жалобно, и Меррон громко всхлипнула. А слезы вот отказывались появляться...

– Да кому ты нужна, – буркнул второй, этот был без шлема, и факел отражался в глянцевого его лысине. – Шевели копытами, коза.

Коза... хоть бы кобылой обозвали, всяко благородное животное. А коза – мелкая и бодучая тварь с вредным характером. Нет, козой Меррон себя не ощущала. Она ссутулилась – благо имелся опыт – и, обхватив себя руками, шагнула к порогу. Дрожь изображать не пришлось. От холода Меррон трясло так, что зуб на зуб не попадал.

– К-куда идти?

Узкий коридор. Темный. И нет креплений для факелов. Следовательно, стражи постоянной тоже нет. Кому понравится сидеть в темноте? Да и дверь надежна... на дверь Меррон оглянулась. С виду толстая, такую ногтями не процарапаешь. И замок внушительного вида... и вторая, которой заканчивался коридор, выглядит столь же серьезно. Значит, отсюда сбежать не выйдет.

Откуда тогда выйдет?

Дверь открыли, Меррон втолкнули, и от грубого прикосновения она сжалась. Влетела в комнату. Упала, благо ковер был мягким. И наверняка выглядела достаточно жалко безо всяких на то усилий.

– Вставай, предательница.

Малкольм не подал руки.

Ну и хрен с ним, Меррон сама не приняла бы. Она поднялась, расправила юбки – дрожь не унималась, и, пожалуй, это было хорошо. Пусть думает, что Меррон боится.

А она и боится. Она ведь не дура и понимает, что вряд ли ее отпустят живой.

– Всего пару часов в камере, и какие перемены... ты выглядишь жалко.

Кто бы говорил! Вырядился в доспех... рыцарь. А сапоги с каблуками. И на шлеме шишечка, чтобы выше казаться. И поза эта картинная.

– Я не понимаю. – Меррон опустила взгляд, уставившись на собственные туфли, к слову, крепкие весьма, из хорошей козлиной кожи. Ну не в шелковых же башмачках ей в мертвецкую бегать. – За что...

– За предательство! Мои сестры томятся в темнице!

Значит, угадала. Сержант, скотина этакая... только вряд ли поверят.

– И братья по духу. Где они?! Из-за тебя...

– Я... я ничего никому не говорила!

Меррон ненавидела оправдываться. Чувствовала себя полным ничтожеством. И лгуньей. Даже когда говорила чистую правду, вот как сейчас.

– Неужели? – Сколько сомнения в голосе. – Но ты здесь. А они там...

И не факт, что «там» много хуже, чем «здесь».

– Ты тоже здесь. – Меррон сказала и прикусила язык. Вот не следует злить Малкольма... и пощечина, которую он отвесил, стала лучшим тому подтверждением.

А ведь когда-то он Меррон нравился.

Говорил красиво, о свободе и еще справедливости. Вот, значит, какова справедливость на вкус.

– Садись! – Малкольм вцепился в плечо и толкнул.

К столу. Обыкновенному такому столу у окна.

Закрытого.

Стеклянного.

Стекло бьется, и если вскочить на стол, то... нет, пожалуй, от самоубийства Меррон пока воздержится. Она слишком зла на всех, чтобы умереть. Да и не ясно пока, что Малкольму надо.

Облизав лопнувшую губу – теперь долго кровить станет, – Меррон села. Огляделась.

Комната. Небольшая, незнакомая. Окно одно, то самое, перед которым стол стоит. Стену слева занимают полки с запыленными книгами. Стена справа пустая. Мебели почти нет. Оружия в принципе нет. Если только стулом по шлему... стул внушительный.

Но сумеет ли Меррон попасть? И что сделает Малкольм, если она промахнется? Сейчас он внимательно следит за каждым ее жестом, значит, обмануть не выйдет.

– Товарищеский суд приговорил тебя к смерти.

...В этом Меррон не сомневалась. Кто из товарищей Малкольма слушается?

– Однако тебе представится возможность искупить свою вину.

– К-как?

Нельзя смотреть Малкольму в глаза, он поймет, что Меррон недостаточно напугана, чтобы остатки разума растерять. А куда смотреть?

На лист. Белый лист, закрепленный на подставке. Чернильница есть. Перья... а ножа для бумаг нет. Песок. В глаза? И стулом по голове?

Малкольм, словно заподозрив неладное, отошел к двери. А за ней двое охранников, которые на шум явятся. С тремя Меррон не сладить. И значит, голову ниже, вид несчастней,

и думать, думать...

– Пиши.

– Что?

– Письмо.

Ну Меррон поняла, что не записку любовную.

– Кому и какое?

– Мужу своему. Правдивое.

Знать бы, что сейчас считается правдой.

– Что ты совершила ошибку...

...связавшись с Малкольмом...

– ...и очень в ней раскаиваешься.

...причем совершенно искренне и до глубины души!

– ...умоляешь его проявить благоразумие и отпустить невинных людей, тобой оклеветанных. А также признать полномочия Совета и подчиниться ему.

Совет? При чем здесь Совет? Малкольм утверждал, что Совет – сборище глупцов, скопцов и скупцов. Некогда это казалось забавной шуткой. И не смешно было, что эти люди правят страной, соблюдая лишь собственные интересы. А теперь получается, что от Сержанта требуют подчинения?

Значит, он пошел против Совета и...

...и опять выходит, что дело не в Меррон, а в нем.

– Не буду. – Меррон закрыла глаза, ожидая удара.

Не последовало. Напротив, Малкольм почти нежно коснулся волос.

– Жалеешь его?

Разве таких, как Сержант, жалеют? Он сам по себе. И делать будет только то, что сочтет нужным.

– Знаешь, почему он на тебе женился?

Понятия не имеет.

– Потому что ты страшная...

...какой-то нелогичный аргумент.

– ...настолько страшная, – пальцы Малкольма вцепились в волосы и потянули, заставляя запрокинуть голову, – что его любовница может не ревновать.

Любовница? Подумаешь. У всех мужчин есть любовницы. Так принято. И все жены терпят. Чем Меррон лучше других? Она же хотела равенства. Вот и оно.

– Ты же знакома с леди Изольдой? Она красивая... утонченная...

Ну и что? Какое Меррон до этого дело? Обидно немного, но как-нибудь переживется, перетерпится.

– И сейчас твой муж, который клялся защищать тебя, почему-то защищает ее...

– Тогда, – Меррон сглотнула, – тем более нет смысла писать письмо.

Или опять ее бить. Красные капельки на листе – это почти узоры. А письмо... если им так хочется, то Меррон напишет. Как там положено обращаться? Тетя ведь учила писать красивые письма. Чтобы вежливость к собеседнику и все остальное. На вежливость Меррон пока хватит, а без остального как-нибудь обойдутся.

Дорогой супруг...

А дальше?

...мне очень жаль, что все так получилось, но я совершила ошибку и очень в ней

раскаиваюсь.

Не следовало связываться и с тобой тоже.

Вообще уезжать из поместья. Там яблони, варенье и река. Рыбалка, когда тетушка уходит спать. Удочки старый Грифит прячет в сарае и не ворчит, что приличные девицы по ночам не шастают... рыбу опять же принимает. Потрошит, солит и развешивает под крышей сарая. И рыба сохнет, пока не высыхает до каменной твердости, но тогда она – самая вкусная. И даже Бетти от нее не отказывается.

Тетушка наверняка расстроится, когда Меррон не станет.

Себя винить будет.

А тетя единственная, кто и вправду ни в чем не виноват.

Говорят, что, если ты проявишь благоразумие и подчинишься Совету, меня отпустят.

Но очень в этом сомневаюсь.

Меррон потрогала языком разбитую губу.

В целом все пока неплохо. Жива. Относительно цела. Пока еще здорова.

...а в ночное Бетти отпускала. Костры. Жареный хлеб с черной коркой – вечно Меррон пропускала момент готовности. Мясо. И страшные рассказы. Лошади. Луна.

Там было счастье.

Не ценила.

Вряд ли мы когда-нибудь увидимся, и хотелось бы думать, что ты иногда будешь обо мне вспоминать. Передай тетушке, что я очень ее люблю.

Целую нежно.

Меррон.

Она сыпанула на лист песка, и тот прилип к красным пятнам, Меррон дула-дула, сдувая, пока Малкольм не забрал лист. Пробежался взглядом по строкам и сказал:

– Сойдет.

Наградой за сотрудничество стал почти роскошный обед: хлеб, сыр, вода. Позже и одеяло принесли. Значит, пока Меррон нужна была живой.

Хорошо. Есть время подумать.

Все-таки ненависть изрядно бодрит. Смотрю на лорда-канцлера и прямо-таки нечеловеческий прилив сил ощущаю. Вот и тянет с милой улыбкой огреть по голове... вот хоть бы бронзовым львом-чернильницей.

Или гадость сказать.

Но нет, сижу, улыбаюсь, жду, пока Кормак соизволит начать беседу. Это ведь он к нашей светлости стремился, а не наоборот. Кормак разглядывает меня, не трудясь скрыть презрение, хотя, полагаю, оно – часть задуманного представления. Не уверена, что этот человек способен испытывать искренние эмоции. Если когда-то и умел, то умение подрастерял в дворцовых играх.

– Леди...

– Ваша светлость, – поправила я.

– Ваша светлость, – и поклона удостоилась, нарочито вежливого, церемонного, – я рад, что с вами все в полном порядке.

– Я тоже очень рада, что со мной все в полном порядке. Присаживайтесь.

Отказываться он не стал, опустился в кресло и вытянул ноги, упираясь каблуками сапог в стол, точно грозя опрокинуть его на нашу светлость.

А там и добить. Тем же бронзовым львом...

Впрочем, Кормак, как и я, желания контролирует. Но молчаливое присутствие Сержанта благотворно сказывается на моих расшатанных нервах.

– Могу я узнать, что случилось вчера? – Кормак проводит по краю стола пальцем. Проверяет качество уборки?

– Стреляли.

Я уже знаю, что стрелок скрылся, а винтовка осталась. И это оружие явно рождено в другом мире.

– Кто стрелял?

– Помилуйте, мормэр Кормак, откуда мне знать?

Не верит, вернее, дает мне понять, что не верит ни единому слову, но я не спешу возмущаться и требовать справедливости. Жду. Пусть скажет то, что собирается сказать.

– Кайя Дохерти мертв?

– Нет.

Я знаю это совершенно точно.

– Ваша светлость, надеюсь, понимают, в сколь сложном положении оказались. Горожане волнуются. Слухи ходят самые... разнообразные.

...и полагаю, Кормак лично проследил за тем, чтобы шли они в нужном ему направлении. А ведь особых усилий прикладывать не придется. Благодаря стараниям Ингрид в городе меня крепко недолюбливают и охотно поверят в любую чушь.

– Какие же?

– Говорят, что... ваша светлость вступили в преступный сговор...

Конечно, чем мне еще заниматься, помимо преступных сговоров?

– ...с целью избавиться от супруга... и захватить власть.

О да, власти у меня ныне столько, что не знаешь, куда девать.

– Вы и ваш... – выразительный взгляд в сторону Сержанта, – ваше доверенное лицо воспользовались состоянием Урфина Дохерти, внушив ему мысль о мести. Несчастный обезумел от горя...

Чему найдется немало свидетелей.

– Доказательства?

– То оружие, которое было найдено, явно родом не из нашего мира. А кто, кроме него, способен преодолеть разрыв...

– Торговцы.

Тот самый Хаот, который закупает нарвалы рога да и многие другие весьма нужные вещи, привнося вещи другие, тоже полезные, вроде отмычки. И пусть не убеждают меня, что сия торговля ведется исключительно с соблюдением всех норм закона.

– Конечно, – соглашается Кормак. – Но зачем торговцам устраивать покушение?

– А Урфину зачем? Скорее, ему следовало бы убить вас...

Сразу и дышать стало бы легче, и мир обошелся бы без испытания на прочность. Смешок. Лорд-канцлер оценил мое чувство юмора.

– Ваша светлость, я не пытаюсь враждовать с вами...

То есть все, что было до сего дня, – действия мирные, но неверно истолкованные?

– ...я понимаю, сколь много вы значите для Кайя. И я никоим образом не претендую на то, чтобы вмешиваться в вашу личную жизнь.

По-моему, он влез в нее обеими ногами. Но наша светлость сдерживается.

– Однако политика – дело другое. Народ вас не принял. В городе вот-вот вспыхнет восстание. В замке вас, мягко говоря, недолюбливают. Вы не даёте себе труда обратить внимание на нужды людей...

Забыл добавить «определённых». Пожалуй, это звучало бы ближе к правде. Нужды определённых людей. Действительно, наша светлость игнорировала самым бессовестным образом и раскаяния не испытывает.

– ...и люди выражают недовольство.

– Люди вольны в выражении своих чувств. В том числе недовольства.

– Возможен бунт...

– Бунт будет подавлен, – спокойно заметил Сержант. – Гарнизон готов.

– Уверены? Гарнизон – те же люди. И вряд ли они пойдут за вами.

Кормак прав, но Сержант его правоту не признает. Более того, он спокойно пожертвует и городом, и замком, оставив за собой Кривую башню, которую хватит сил удержать до возвращения Кайя.

Он вернется. Обязательно. Он не бросит нас здесь.

– Но даже если гарнизон встанет на защиту вашей светлости, то прольется кровь... много крови... Вы готовы это допустить?

Гражданская война в пределах отдельно взятого города? Из-за меня?

– И какой вы предлагаете вариант?

Он не пришел бы без камня за пазухой. Разве подобный человек нарушит правила поведения, оставив хозяев без увесистого подарка? И сейчас Кормак откидывается в кресле, отпуская стол. Он складывает руки, словно в молитве, упираясь большими пальцами в подбородок. Растягивается рыхлая кожа на шее, собираются складки на щеках.

И я смотрю на темную кайму под ногтями: лорд-канцлер не боится марать рук.

Я же понимаю, что он готов пойти ва-банк. Мятеж. Измена. Казнь. И шантаж мной как единственный способ ее избежать.

– Не я. Совет предлагает вам сменить статус.

Предсказуемо. Во взгляде вызов и ожидание моих слез. Их не будет.

– Ваш супруг получит ту жену, которая соответствует его положению и ожиданиям народа. Вы – достойное содержание и мою поддержку. Все то, что не прощают леди Дохерти, простят фаворитке лорда Дохерти. Вашу... эксцентричность. Вызывающую внешность. Отсутствие манер. Привычку лезть в дела, совершенно вас не касающиеся.

Откровенно. И, пожалуй, близко к правде.

– Вы будете избавлены от необходимости присутствовать на всякого рода официальных мероприятиях, которые вам столь ненавистны. Будете заниматься благотворительностью...

Сходя с ума от ревности и обиды.

– Совет даже не станет возражать против появления у вас детей.

Какая неслыханная щедрость! Кормак близок к тому, чтобы вывести меня из равновесия.

– Боюсь, я не могу принять ваше щедрое предложение.

– Боюсь, в скором времени у вас не останется выбора. Гнев народа порой страшен... Вы уверены, что здесь вы в безопасности?

– В куда большей, чем с вами.

– Неужели? Вы так безоговорочно доверяете своей охране?

– Больше, чем вам.

– Что ж, я сделал все, от меня зависевшее. Я вынужден буду доложить Совету о вашем упорстве. Боюсь, вы обрекаете нас на не самые приятные действия. Будет начато расследование...

И вынесен вердикт, постановление или иной очень серьезный с виду документ, который Сержант проигнорирует. Но как появление этого документа воспримет Кайя?

– Любые постановления Совета в отсутствие лорда-протектора не имеют законной силы. – Сержант знает, как поддержать. Только Кормака сложно свернуть с избранного пути.

– Но вы не знаете, как надолго затянется это отсутствие...

– Сто пятьдесят шесть часов четырнадцать минут. – Этот стерильный голос не мог принадлежать человеку.

Я, да и не я одна, смотрела на то, как плывет гранитная стена, теряя плотность и цвет, вытягивается, вылепляя лицо. Первым появляется длинный нос, затем лоб и губы, формируются глазные впадины. И тонкая пленка век вздрагивает, раскрывая желтые глаза.

Растут ресницы.

Тянется шея, неестественно длинная, и я не могу отделаться от ощущения, что это создание вот-вот расплывется, как воск по полу.

– Сто пятьдесят шесть часов тринадцать минут, – уточнило оно, отлепляясь от стены. – Вероятность полного выздоровления Кайя девяносто девять и девятьсот семьдесят шесть тысячных процента.

Я знала, что он жив, но все равно не сумела сдержать вздоха облегчения.

Как будто стальное кольцо вокруг сердца разжалось.

Сто пятьдесят часов? Это шесть дней и еще немного.

Продержимся?

Обязательно.

– Система полагает необходимым распространение данной информации как средства понижения уровня агрессии внутри популяции.

Люди, узнав, что Кайя жив и скоро – определенно скоро – появится, не станут воевать.

Вот только вряд ли лорд-канцлер поспешит выполнить рекомендацию.

– Система полагает необходимым предупредить объект. – Оракул, а я не сомневаюсь, что вижу именно его, повернулся к лорду-канцлеру. И разворачивался он всем телом, словно позвоночник его не обладал и минимальной подвижностью. – Действия объекта способствуют развитию кризиса, угрожающего стабильности системы.

– Система ошибается.

Кормак возражает? Ладно, он нормально воспринял появление Оракула из стены и в принципе не выказывает удивления, которое должно бы быть, – это объяснимо. Если Оракул появлялся прежде, то Кормак мог с ним встречаться. Но возражать...

– Накопленный массив информации позволяет системе создавать прогнозы высокой степени точности.

А вот мне под взглядом Оракула неуютно. Взгляд этот лишен выражения, так смотрит камера.

– Система отслеживает нахождение объекта в данной локации. Система будет предупреждена при смене объектом места пребывания.

То есть за мной следят, точнее, наблюдают? И как к этому следует относиться?

– Система не враждебна объекту. Система предлагает к реализации сценарий ожидания с благоприятным прогнозом разрешения основных конфликтов.

Что ж, иного варианта у меня все равно нет.

– Система испытывает затруднения в полноценной реализации визуального модуля вследствие повреждения основных контуров. Время контакта системы ограничено.

Пожалуй, это можно было бы счесть и предупреждением, и извинением, и прощанием.

Он не стал уходить в стену, но просто рассыпался, причем песка на ковре не осталось.

Иллюзия? Голограмма? Что это вообще было?

Визуальный модуль.

– Ваша светлость, надеюсь, понимают, что эта система не вмешивается в дела людей? – вежливо поинтересовался Кормак, прежде чем удалиться.

Намек на то, что к рекомендациям Совет в его лице не прислушается?

И что за оставшиеся шесть дней сделает все возможное, чтобы добраться до меня. Кормак не умеет проигрывать. А еще ему известен крайний срок.

– Это вам, – сказал он, протягивая Сержанту сложенный вчетверо лист. – Возможно, вы убедите леди проявить благоразумие. Или проявите сами.

Я не стала спрашивать, что было в письме.

Глава 4

Тревожные дни: продолжение

Менделеев долго доказывал своей жене, что на первом месте должен стоять водород, а не жена и дети.

Жизнь замечательных людей,

или Правда о мужских доминантах

Туман. Рыхлый, твoroжистый, непроглядный.

Он проглатывает звуки: всплеск весла, скрип древесины, увязшей в мокром песке. Вздох человека.

И Тиссе страшно разжать руку, потому что она вот-вот потеряется в этом тумане. Желтый корабельный фонарь давно потерялся, и теперь Тисса, пожалуй, не могла бы сказать, в какой стороне осталось судно. И как гребцы найдут обратный путь?

Урфин уверял, что найдут.

И что ночь – самая подходящая для высадки. Сегодня стража и близко к берегу не сунется, люди аль-Хайрама беспрепятственно заберут груз, а Урфин – лошадей.

Всего-то надо – преодолеть полмили чистой воды. И еще две до дороги.

Воду преодолели, но люди почему-то не спешили покинуть лодку. Напротив, словно ждали кого-то или чего-то, напряженно, готовые не то сбежать, не то напасть. И Урфин, высвободив руку, накрыл ею палаш. Но вот раздался протяжный свист и птичий плач, на который ответили лисьим тьяканьем.

– Идем. – Урфин спрыгнул в воду и, закинув сумку с немногочисленными вещами, подхватил Тиссу на руки.

До сухой земли три шага.

– Держись меня. Не разговаривай. Если вдруг что-то пойдет не так, падай на землю.

Что пойдет не так?

Вопроса Тисса не поняла – она не знала этого языка, но сам тон был враждебным. И Урфин ответил на том же наречии ничуть не более дружелюбно.

Еще фраза.

Ответ.

Почти ссора, и туман отползает за плечи человека, столь же огромного, как лорд-протектор, но куда более страшного. Наверное, так выглядят великаны из нянюшкиных сказок. Голова-валун, лысая, бугристая, покрытая шрамами и насечками, утоплена в плечи, на каждом из которых по сундуку. Он бос и одет лишь в полотняные штаны, а медвежья шкура, заменяющая плащ, вряд ли способна защитить от ветра.

– Не бойся, – шепотом сказал Урфин.

Существо – Тисса всерьез усомнилась в принадлежности его к человеческому роду – замерло в трех шагах. От него смердело потом, жиром и козлиной шерстью.

Оно раскачивалось и ворчало.

– Спокойно, Агхай. Свои.

Разве оно понимает?

Понимает.

– Груз – туда. Туда. – Урфин указал в сторону лодки.

Существо кивнуло, развернулось и неторопливой, какой-то утиной походкой двинулось в туман.

– Идем. Лошади ждут.

Две. Пегий мерин с впалой грудью и вполне крепкая, округлая кобылка.

– Получше не нашлось? – Урфин осмотрел лошадей придирчиво, хотя было ясно, что с его кирийским жеребцом они ни в какое сравнение не идут.

– Ты сам хотел неприметных, – ответил туман. – В городе поменяешь.

– До города еще доехать надо...

Урфин посадил Тиссу и, убедившись, что падать она не собирается – в мужском седле сидеть было не в пример удобней, чем в женском, – выпустил-таки. Только предупредил:

– Держись рядом. Тут лиг пять до села. Переночуем.

Пять лиг – немного, но Тисса давно не ездила верхом.

Кобылка шла тряской рысью, и подковы звонко цокали по камням. Туман почему-то не спешил проглотить и этот звук, словно им вычерчивая на земле след, по которому двинется погоня.

Например, тот ужасный великан...

Погони не случилось.

Урфин выбрался на дорогу и пришпорил жеребца, который, впрочем, шпоры проигнорировал. Он был слегка сонный и неторопливый, что Урфина злило.

А вот Тиссе было хорошо.

Туман рассеивался, и седоватое еще небо рассыпало звезды. Острый край луны зацепился за вершину ели, и дерево покачивалось, скрипело, словно желая избавиться от нежданного украшения. Лес подбирался к самой дороге, порой приподнимая корнями камни или выпуская одичавшую молодую поросль на самый тракт.

Где-то далеко ухала сова.

И Тисса сама не заметила, как путь окончился.

Деревня вытянулась вдоль тракта, но не удержалась на границе, расползлась в стороны: теснили друг друга дома, городились заборами, выставляя на штакетилах глиняную битую посуду, собачьи черепа и белые тряпки-обережцы. Отец говорил, что люди в деревнях суеверны.

Гостиный дом узнали издали – непомерно длинный, с плоской крышей, на которую намело сугробы, он дымил в три трубы. У коновязи вертелись собаки, и на лай выглянул вихрастый мальчонка. Первым делом он вытянул руку и так стоял, пока не получил положенный медяк. Монета исчезла в рукаве, и мальчишка принял лошадей, буркнув:

– Овсу немашки. Токмо сено.

– Пусть остынут сначала.

Мальчишка кивнул и уставился на Тиссу. Что не так?

– Идем. – Урфин потянул ее в дом.

Пахло теплом, сыростью, сытным мясным духом, от которого в животе раздалось неприличное урчание. Но в гомоне, что царил внутри гостиного дома, оно стало незамеченным.

– Держись рядом.

Тисса помнит. И держится, но удерживается от того, чтобы за руку схватить. Хорош

оруженосец будет, который с рыцарем за ручку ходит.

Но до чего странное место!

Зал прямоугольной формы. На полу – толстый слой соломы и еще ореховой скорлупы, которая хрустит под ногами. Вдоль стен – столы. За столами люди... такие разные.

В дальнем углу на стражников похожи. При оружии и мрачные. Есть почти не едят.

Ученый человек в квадратной гильдийной шапочке, и рядом с ним трое мальчишек разного возраста, небось ученики...

А вот те, в цветных байковых халатах, наверняка купцы. Едут в город торговать... или скорее из города? И торговали удачно, если кутят: на столе перед купцами жареный гусь, миска с капустой квашеной, яблоки моченые, печеная репа, ребра свиные... много всего.

И живот снова урчит.

Рядом с купцами кружатся подавальщицы, которые одеты, как... как будто и не одеты вовсе. Зачем они юбки подоткнули? Ноги же видно! И грудь тоже...

Одна такая, с грудью, обнаженной почти до сосков, подскочила к Урфину и выгнулась так, что Тиссе тотчас захотелось в волосы вцепиться. В длинные такие кудрявые волосы. С красной лентой еще.

– Чего угодно славному рыцарю?

– Комнату. Хорошую. Чтоб матрац без клопов, одеяло теплое. И запор на двери.

Сказал, взгляда от этой груди не отрывая.

– Еды. И передай Завихрю, что старый друг пожаловал.

Монету уронил в вырез. И девица засмеялась.

– Мальчика отправить на сеновал? – Голос у нее сделался низким и журчащим. – С остальными?

У Тиссы от злости и обиды в горле запершило. На сеновал? С какими остальными?

– Тебе понравится...

И пальчиком по шее провела.

– Мальчик останется. Показывай комнату.

Пришлось подниматься на второй этаж по скрипучей лестнице. И доски настила прогибались так, что Тисса не могла отделаться от ощущения – еще немного и она провалится. Комната оказалась тесной, но с двумя окнами. Впрочем, сохранения тепла ради окна были закрыты ставнями.

Им оставили свечу в глиняной плошке, пообещали принести ужин и воду для умывания.

Пахло не очень хорошо.

И кажется, за стеной шебуршали мыши.

– Все лучше, чем в стогу ночевать, – оправдываясь, произнес Урфин.

Обойдя комнату, он проверил на прочность ставни, внимательно осмотрел дверные петли, пояснив:

– Иногда они хитро устроены, так, что снаружи снять можно.

Зачем?

– Из некоторых гостиных домов гости не возвращаются.

Ужас какой! И тот стог, о котором Урфин упоминал, уже не кажется столь уж мрачной альтернативой нынешнему ночлегу. Хотя... на улице мороз и волки.

– Ну... здесь одеяло есть, – сказала Тисса, присев на край постели.

Из волчьих шкур, давно не проветривавшееся и впитавшее все запахи, которые только были в этом месте. Раздеться Тисса не станет.

– Ребенок. – Урфин сел рядом и обнял. Хорошо, теперь мыши точно не нападут. – Дальше будет так же. Или хуже. Я понимаю, что ты к такому не привыкла, но мы не можем позволить себе карету.

...а также шатры и свиту, которая сгладила бы тяготы путешествия благородной дамы. Или хотя бы повозку, вроде той, в которой Тиссу и Долэг везли к замку. Правда, по повозке Тисса ничуть не скучает.

Верхом – оно куда интересней, только...

– Я мышей боюсь, – призналась она.

– Ну... с мышами я как-нибудь совладаю.

Еду принесла не девушка, но грузный мужчина с гнилыми зубами. Он молча поставил поднос на единственный стул и дверь прикрыл. На засов.

– Чегой надо? – поинтересовался, разглядывая Тиссу.

– Пару лошадей. Хороших. Таких, которые выдержат дорогу. Еды. И новостей.

Особенно еды. Близость ее манила.

Ребра. Жаренные на углях. С коричневой корочкой, с жирным соком, вытекающим на миску. Щедро посыпанные крупной солью и тмином. Ароматные. Уложенные на куски белого, рыхлого хлеба. И квашеная капуста с брусничной россыпью.

– Коней нема.

– Найди.

Гнилозубый кивнул, мол, найдет или хотя бы постарается. Тисса очень надеялась, что этот разговор не затянется надолго и ребра не остынут... леди не должна испытывать такой голод!

А оруженосец приступить к еде раньше рыцаря.

– Слышать... всякого. Людишек много пообъявилось. Языкастых. И с города потянулись... ходят по вескам, бают байки, баламутят народ.

– И чего бают?

– Да... – Опасливый взгляд в сторону Тиссы, видимо, не доверяют ей настолько, чтобы разговоры опасные вести. – Бают, что людишки все ровня друг другу, а значит, надо у одних взять и другим дать. Тогда и будет шчастье.

– Слушают?

– Ну... по-всякому оно. Еще бают, что честным людям надобно вместе быть. И своего затребовать. С оружием. Что лэрды совсем страх потерявши. И что припугнуть бы их хорошенько.

Ох, от таких разговоров Тисса совсем аппетит потеряла.

Ну почти совсем.

– Только здешний народец себе на уме. Сами на рожон не полезут по-за чужого дядьку. А вот если полыхнет вдруг, тогда да...

– Ясно.

Урфин посмотрел на Тиссу и вздохнул, ему явно не хотелось говорить при ней то, что он должен был сказать.

– Передай... добрым людям, что если говорунов станет меньше, лэрды будут благодарны. Одна большая голова много здоровых сбережет.

Гнилозубый важно кивнул и поинтересовался:

– А с бумажками чего?

– Какими?

– Которые энти носят. Вона! – Он вытащил из рукава мятый листок. – Мне дали, велели, чтоб в комнатах оставлял. И так давал читать, кому охота.

Листок Урфин разгладил, пробежался по строкам и убрал в карман.

– Жги. А тех, кто эти глупости разносит, учи. Но аккуратно. Не надо лишнего внимания. И еще передай, что там, где эти бумаги печатают, немалые деньги крутятся. И если вдруг хорошим людям понадобится эти деньги на какое другое дело использовать, то лэрды с пониманием отнесутся к... уменьшению количества типографий.

– Так эт... ежель полыхнет?

– Будете работать, тогда и не полыхнет. Что меня видел – забудь. Так оно спокойней будет. Ясно?

И когда спустя семь дней в гостинном доме появится гонец с печатью и бумагой, в которой будет изложено, что Высокий Совет разыскивает мормэра Урфина Дохерти по обвинению в измене и покушении на жизнь лорда-протектора, Завихряй совет вспомнит.

Он гонца накормит, напоит и теплую бабу подсунет, которая обо всем и выпросит подробненько. А на следующий день выпроводит на тракт, пожелавши удачи. Конечно, награда за поимку государственного преступника обещана немалая, и шевельнется в душе жадность, да только Завихряй ее удавит. К деньгам? Нет, длинный язык к петле приведет. Если не стража вздернет, чтоб не делиться, то лэрд отыщет... или другие. Говорливых нигде не любят.

Потому и будет Завихряй молчать.

И человека с серой сумой, набитой бумагами, встретит как дорогого гостя... и не удивится внезапному того исчезновению из надежной, запертой комнаты. В жизни всякое бывает.

День второй.

От первого отличается мало. Разве что с визитом к нашей светлости никто не стремится. Ультиматум озвучен и переговоры возобновятся лишь тогда, когда наша светлость изъявит желание ультиматум принять.

А она не изъявит.

Фаворитка, значит?

Титул. Положение. И содержание за счет бюджета?

Свобода действий.

В установленных Советом рамках.

Они и вправду думают, что я соглашусь?

Новости приносит Сержант. Они неутешительны.

Совет большинством голосов принял резолюцию о введении особого положения и передаче власти Совету. Дару надлежит подчиниться и сложить оружие. Передать нашу светлость под опеку Совета.

– Гарнизон колеблется. – Сержант не имеет привычки расхаживать, напротив, он двигается мало, словно экономя силы. Знаю, что за последние двое суток он не спал и спать не собирается.

И не из-за занятости.

– Городская стража не подчиняется Совету, а гильдии на нашей стороне. Пока. Они не настолько хорошо знакомы со мной, чтобы доверять.

– Мы должны выйти к людям. – Я все еще остаюсь при своем мнении, на которое,

впрочем, Сержанту глубоко наплевать. – Я должна.

Только за пределы комнат меня не выпустят.

Кривая башня – та же тюрьма. И люди Сержанта имеют четкие инструкции. Я могу кричать, плакать, требовать, биться головой о стену... полагаю, добьюсь лишь того, что меня спеленают для пущей сохранности.

– Нет.

Какое это «нет» по счету? Сотое? Или больше?

– Люди – это толпа. – Сержант снисходит до объяснения. – Толпа слышит то, что хочет слышать. Сейчас она слышит, что ты виновна. Покажешься – разорвет.

Но есть же стража. Рыцари и...

– Кроме того, тебе не позволят дойти. У Совета достаточно сил, чтобы ввязаться в бой, и Кормак рискнет. Здесь ты в безопасности. За пределами Башни – нет.

И этого Сержанту достаточно, чтобы остальные аргументы он просто не слышал.

Я замолкаю, смотрю на него. Он на меня.

– Ты нашел Меррон?

– Нет.

– Ты искал?

– Нет.

– Ты должен хотя бы попытаться!

– Я должен сберечь тебя. Любой ценой. Мои желания ничего не значат. Как и твои.

Не следовало отворачиваться, но... я не понимаю! Как можно просто отступить, не попытавшись, не рискуя, и... и это очень похоже на предательство, в котором я принимаю непосредственное участие.

Но в любом случае не следовало отворачиваться.

Сержант сорвался:

– Повзрослейте уже! Оба! Дети, которые до взрослых игрушек добрались! Идеалисты. Все по себе... и чтобы руки чистые остались. Ничем и никем не жертвовать. Никого не бросить. Не предать. А так не бывает, леди, чтобы по жизни да в белом пройти... твой муж пытался быть добрым со всеми. Эти же считают доброту слабостью. Люди? Нет людей. Есть стая. Озверевшая. Готовая рвать любого, сама не понимая зачем. Им плевать на закон, справедливость...

– Всем?

– Большинству. А кому не плевать, тот не выживет.

– Тогда какой смысл ради них чем-то жертвовать?

– Никакого. – Он вцепился обеими руками в волосы. – Считай, голосом крови.

И о чем нам дальше говорить? О долге перед обществом или перед человеком, который не безразличен? Как там классики ставили вопрос? Все блага мира против детской слезы?

Меррон давно не ребенок. Но ее ведь убьют, а я... я почти готова смириться.

– Кормак – человек практичный. Он не станет возиться с тем, кто не представляет интереса. Если я сумею убедить его, что Меррон мне безразлична, то она умрет быстро. В противном случае ее будут резать на куски у меня на глазах. Такой вот выбор.

У меня хватает сил посмотреть ему в глаза.

– Да, Иза, это предательство. И подлость. Но я никогда не стремился быть героем...

На третий день городская стража перешла под командование Совета. Вероятно, это было связано с созданием Нижней Палаты, куда вошли гильдийные старейшины и прочие

уважаемые люди.

Народ получил право голоса.

И потребовал выдать нашу светлость.

Сержант отказался.

В Кривой башне остались люди Хендерсона и синие плащи. Дворцовая стража подчинилась воле лордов на четвертые сутки.

Пятые. Не то от напряжения, не то от страха – а я все-таки боюсь того, чем это противостояние закончится, – меня тошнит.

Мы ждем штурма.

Меррон не знала, как долго она пробыла взаперти. Наверняка долго. Иногда приносили еду, воду. Ведро вот не забирали, но Меррон к запаху притерпелась. Да и вообще, выяснилось, что привыкнуть можно ко многому.

К холоду. К зудящей коже. К соломе. Грязному одеялу.

Злости.

Причем злость была иррациональной: сколько Меррон ни пыталась найти виноватого, всякий раз приходила к выводу, что сама дура. Время от времени злость сменялась отчаянной надеждой на спасение. Меррон пересаживалась к двери, прижималась щекой к сырому дереву и начинала слушать тишину. Хотелось уловить в ней шаги. И чтобы дверь открылась и ей сказали:

– Все будет хорошо...

Или хотя бы:

– Ты свободна.

Однажды она шаги услышала. И дверь открылась, вот только сказали:

– Вставай.

Встала, пошатываясь от внезапной слабости, заслоняясь ладонью от факела. После долгой темноты свет причинял боль. Из глаз сыпанулись слезы, и охранник сказал:

– Побереги. Еще наплачешься.

На сей раз один. И расслаблен. Не считает Меррон за противника... верно, что не считает. На ногах она с трудом держится, но с каждым шагом – все уверенней. Охранник не крупный. И без доспеха, разве что в куртке из бычьей кожи, на которую заклепки нашиты. Так это для красоты больше... был бы у Меррон скальпель...

Скальпеля не было.

Комната, где с прошлого визита Меррон ничего не изменилось. И Малкольм прежний, тот, новый, который имеет привычку по лицу бить. Сегодня, правда, без доспеха, зато в алой куртке с двумя рядами золоченых пуговиц. И сапоги высокие, до середины бедра. С каблуком.

– Здравствуй, Меррон. Ты почему плачешь? Тебя кто-то обидел?

– Н-нет... там темно.

– И страшно?

– Да.

– Так страшно, что ты не будешь больше упрячиться? Ты ведь не хочешь вернуться в камеру?

Меррон совершенно искренне замотала головой. В камеру она не вернется.

– И будешь помогать?

Она кивнула. Пусть думает, что со страху дар речи потеряла. Нет, ну и вправду дура же!

Как она могла подумать, что этот нелепый человечешко, который пытается казаться выше, и вправду способен улучшить мир? Он только и умеет, что говорить.

– Сейчас тебе нужно умыться. И переодеться. От тебя плохо пахнет.

Естественно. Как еще может пахнуть от человека, который проторчал несколько дней в каменном мешке? И умыться Меррон будет рада... вот только мыться пришлось под присмотром Малкольма.

– Знаешь... – Он сидел в кресле, потягивая вино, и выглядел при этом крайне довольным жизнью, а еще смешным. Кресло было чересчур большим, а поза – картинной. – Хорошо, что ты не пытаешься соблазнить меня.

Что? Соблазнить его? Да Меррон вырвет, если он попытается к ней прикоснуться.

К счастью, Малкольм не пытался.

– У тебя все равно не вышло бы. Ты на удивление некрасива.

Спасибо, Меррон об этом уже сообщали. Неоднократно.

А платье оказалось черным, из плотной жесткой ткани. Меррон не сразу поняла – тюремное, зато чистое. И вообще, жизнь почти удалась. Пообедать бы еще.

– Что я должна сделать? – Она говорила тихо и глядя на собственные руки. Тетушка утверждала, что руки у Меррон изящные, наверное, единственное, что в ней изящного.

– Убедить своего мужа, что ты ему нужна.

– Как?

– Как угодно. – Малкольм отставил кубок и поднялся. – Просто учти: или он сложит оружие, или ты умрешь. Видишь, все просто.

Да уж, проще некуда. И все-таки жаль, что у Меррон нет с собой скальпеля. А кусок мыла в рукаве – это несерьезно... как ей сбежать при помощи куска мыла?

Как-нибудь.

Глава 5

Тревожные дни: кризис

...и победив рыцаря в честном бою, дракон сожрал прекрасную принцессу, испепелил город, а в королевском дворце устроил логово.

Днем он спал на золоте и костях, ночью – разорял окрестные деревни, пока в округе вовсе не осталось никого живого. И тогда в один прекрасный день дракон издох от голода.

Депрессивная сказка

К Кривой башне подойти не получилось. Двойной заслон снаружи, да и изнутри, как Юго подозревал, дела обстояли ничуть не лучше. Незамеченной и мышшь не поднимется. А Юго при всем старании был несколько крупнее мышши.

Конечно, оставался вариант со свирелью, однако Юго медлил.

Наблюдал.

Замок гудел растревоженным ульем. И слухи множились, как плесень, поддерживая в людях злость. Им отчаянно требовался кто-то, кого можно обвинить в собственных бедах. Долго искать не пришлось.

Совет, чье заседание длилось уже которые сутки кряду – эту бы энергию да в мирных целях, – выпускал одно постановление за другим.

...в городе объявлено особое положение.

...ворота заперты.

...порт перекрыт.

...Совет приносит извинения купцам, которые оказались в ловушке города, однако те должны понимать всю серьезность ситуации. Совет не может предоставить изменникам шанс ускользнуть от правосудия.

...горожанам запрещено появляться на улице после наступления темноты, да и вовсе не следует покидать дома, но рекомендуется укрепить ставни и двери, а также запастись песком на случай пожара или военных действий. И как-то сразу люди верят в близость этой войны. Запираются. Прячут добро в тайники и семьи – в подвалы, созданные когда-то давно и уже годы использовавшиеся исключительно как кладовые. Однако же вот пригодились.

...Народное ополчение создано с благословения гильдийных старейшин, а также прочих достойных граждан протектората для защиты города и мирных жителей. А потому горожанам надлежит оказывать всякое содействие народному ополчению в поддержании порядка.

Юго хохочет.

Ему нравится, что овцы искренне плодят волков и им же помогают резать стадо.

О нет, народное ополчение и вправду верит, что действует во благо родного города. Пока... еще несколько дней или недель, возможно, месяцев... несколько столкновений, незначительных на первый взгляд. И крепнущее ощущение собственной безнаказанности. Тем, кто готовится пролить кровь во имя горожан, дозволено брать с этих горожан плату. Возможно, авансом.

Юго видел подобное не единожды.

Надо дать им время.

Вот только он сомневался, будет ли у людей это самое время... Кайя Дохерти жив.

Вернется.

И наведет порядок.

Но кто прислушается к голосу разума? Одних гонит вперед страх. Других – честолюбие.

Третьи просто чуют возможность и боятся ее упустить.

Лорд-канцлер из последних, но, в отличие от многих, он точно знает, чего хочет. И был бы достойным нанимателем. Он умеет играть и жертвовать фигуры, ставшие ненужными. Осторожен. Умен. Беспринципен. Он точно не станет пить яд, не то доказывая себе же собственную правоту, не то сбегая от ответственности.

И Юго почти решился раскрыться.

Выгодная сделка.

Он усыпит стражу. И поможет войти в Кривую башню. Он полезен, и Кормак сумеет по достоинству оценить эту полезность, не испугается грязных рук, но... всякий раз что-то останавливало Юго. Иррациональное ощущение, которое перекрывало все аргументы разума, заставляя вновь и вновь отступать. Выждать. Искать иной вариант.

Если Кормак проиграет...

Слабая надежда. Но Юго надеется. Следит.

Прячется, заслышав знакомый треск – рвется ткань мира, пропуская мага. И Юго впивается зубами в собственные пальцы, болью заглушая рванувшуюся было силу. Хаот здесь?

И где, спрашивается, их законы?

Принципы?

Разрыв отливал болотной зеленью, сукровицей искореженного пространства. И редкие всполохи – грязно-желтый, бурый, седой, как просоленная кость, – были узнаваемы. Эти сполохи – отпечатки пальцев на разломе – сливались воедино, выплетая радугу зова.

И Юго выпустил пальцы изо рта.

Случайная встреча?

Хаоту всегда были интересны запертые миры... и если вести себя тихо, то Юго не заметят. Он ведь почти сроднился с миром... слился.

Зов ширился, заставляя вибрировать стены. А люди не слышали...

Рыжий кот, оказавшийся рядом, заурчал. Не помогло. Разве способен кот заглушить голос Хаота? Он взвыл и вонзил когти в руку, пробивая до крови.

Спасибо.

Юго заткнул уши и, раскрыв рот, стал часто дышать, мысленно отсчитывая каждый вдох и каждый выдох. Помогло. Зов ослаб. Откатился. И смолк. Но лиловая сеть, опустившаяся на замок, развеяла последние сомнения: эмиссар-некромант прибыл не только за Изольдой.

– Сволочи. Сдали, – сказал Юго, опуская ладонь на рыжую спину. – Куда ни плюнь – лицемерные сволочи...

Что за жизнь?

Пахло войной.

Оказывается, Меррон помнит этот запах столь же хорошо, сколь и запах тетушкиного варенья. Ей только казалось, что война была давно и точно никогда не вернется, но вот...

...железо.

...камень.

...дым.

И люди прячутся, кроме тех, которые с оружием.

Как их много... люди в стальной чешуе похожи на рыб. Меррон ловила плотву и еще карасей и даже щуку однажды почти добыла. Щука была старой, толстой и неповоротливой. Она лежала в камышах, оплетенная тиной, словно старое бревно. И в какой-то миг Меррон почувствовал, что не она охотится на рыбу, а наоборот. Мнительная дура, ох и дура.

Вляпалась. Теперь не выбраться, потому что кусок мыла бесполезен против двух десятков – какая честь при таком карауле ходить! – мечей. А на Сержанта надеяться не стоит.

С чего они вообще взяли, что Меррон представляет хоть какую-то ценность?

Жаль, на доктора не доучилась... а на войне доктора нужны. Тот, который тетушкин друг, он многое видел, но рассказывать опасался. У него порой выспрашивали, за кого он воевал. А он отвечал, что за раненых. А чьи это раненые, какая разница?

Перед смертью все равны. И Меррон тоже...

Она пошевелила липкими пальцами, запихивая мыло в рукав. Если метнуть и в глаз... а потом бежать... догонят.

Или перехватят на повороте – на каждом повороте теперь по стражнику.

Тогда как?

Нет, ну не умирать же ей, в самом-то деле!

Малкольм остановился, щелкнул каблуками и в струночку вытянулся перед человеком, которого Меррон сперва не узнала. Да и как узнать лорда-канцлера, когда он сам на себя не похож. Выглядит точно лавочник средней руки. В простом колете поверх сатиновой рубахи, в штанах полотняных с кожаными нащепками на коленях, а из украшений – одна лишь цепь канцлерская. И еще шляпа, какую охотники обычно носят, с перышком фазаньим.

А Малкольм утверждал, что лорд-канцлер – страшный человек. Не соврал в кои-то веки.

– Тебя зовут Меррон? – спросил он, хотя наверняка знал не только имя.

– Да.

– Кто тебя ударил?

Он коснулся губы, которая все никак не могла зажить, наверное, оттого, что Меррон имела привычку в волнении губу эту покусывать, вновь разрывая лопнувшую кожицу.

– Это... случайно получилось.

– Конечно, случайно. – Меррон взяли под руку, увлекая за оцепление. А Малкольм остался по ту сторону живой стены. И вот как-то совсем от этого не спокойней. – Ты ведь разумная девушка?

Не к добру эта вежливость, однако Меррон сочла за лучшее согласиться.

Разумная.

Настолько разумная, что в нынешнем окружении будет вести себя хорошо.

– И понимаешь, что я могу разрешить все твои затруднения, если ты мне поможешь.

А если откажешься, затруднений станет больше, жизнь усложнится, а возможно, и подойдет к закономерному финалу. Нет, не видела Меррон себя погибшей во цвете лет. Это в теории красиво, а на самом деле как-то глупо и бесполезно.

– Я... буду рада вам помочь.

...или хотя бы вид сделать.

– Умница. Возьми! – Он протянул стеклянный шарик темно-синего цвета. То есть поначалу Меррон показалось, что шарик темно-синий, но нет – зеленый. Или, скорее,

желтоватый, как исчезающий синяк... или красный, такого венозного оттенка.

И снова густеет до синевы.

– Сейчас ты пойдешь туда. – Лорд-канцлер развернул Меррон в сторону запертой двери. – Постучишь. Назовешь себя. И скажешь, что тебе надо увидаться с мужем.

Странный шарик, который не нагревался в руке, как полагалось бы обыкновенному стеклу.

– Тебя проводят.

Ох, вряд ли Сержант обрадуется этой встрече.

– Когда поднимаешься до третьего уровня... или выше третьего уровня, но не ниже...

Понимаешь?

Меррон кивнула. Понимает. До трех ее считать научили.

– Просто урони шарик на землю.

– И что будет?

– Ничего страшного.

Лжет. Хотя так умело, что еще немного и Меррон вправду поверит, что ничего страшного не случится. Да и то, какая жуть может скрываться в стеклянном шарике?

Такая, которая позволит Кормаку войти в Башню.

И ладно бы... Меррон что за дело? Пусть сами друг с другом разбираются, а она... она людей хотела лечить. И хочет. Жить. Тетку увидеть. Вернуться в поместье к яблочному варенью и субботним посиделкам.

– Все в радиусе ста шагов уснут. И мы обойдемся без крови. Ты спасешь многих людей.

Наверное, безопаснее было бы поверить, но Меррон не могла себя заставить.

– Меррон, от твоего благоразумия зависит не только твоя жизнь. Подумай о тете.

Вот же твари! Бетти точно ни при чем!

– Иди, дорогая.

Она и пошла. До двери десять шагов, каждый из которых как последний. И каблучки туфель с железными подковками звонко цокают по камню. В спину направлены взгляды. Стрелы, кажется, тоже.

С такого расстояния не промахнутся. Арбалетная же стрела человека насквозь пробьет. И ладно, если в сердце или там артерию крупную перережет... хуже, если в спину или живот. Дольше.

А вот и дверь.

Массивная. Старая, но крепкая. И Меррон берется за ручку, тянет на себя, не сразу поняв, что дверь заперта. Бронзовый молоток касается древесины беззвучно. И некоторое время ничего не происходит. Но вот заслонка сдвигается. У Меррон не получается рассмотреть человека, который стоит по ту сторону забранного решеткой окна. Это не Сержант точно.

– Уходи, – говорят ей.

– Нет. Мне надо увидеть Сержанта.

– Уходи.

– Нет!

Заслонка вернулась на место, и Меррон от злости пнула дверь. Она не уйдет. Будет стоять столько, сколько надо, потому что вернуться – признать поражение. И убить тетю.

Время тянулось... Меррон разглядывала дверь, боясь обернуться. Она изучила каждую трещину на лаке, узор патины на бронзе, россыпь гвоздей. Она почти уже решила

отступить – те, кто за спиной, видят, что происходит! Меррон не виновата!

Однако окошко вновь открылось.

– Передай. – Между прутьями просунули лист, который Меррон взяла, уже понимая, что ей не откроют. Наверное, Сержант хорошо знал лорда-канцлера. Читать, что было в записке, она не стала. Отдала человеку, который наверняка решал, что делать с Меррон. Он развернул лист, хмыкнул и вернул.

«Нет смысла менять одну женщину на другую. Все одинаковы. Д.Б.».

Да. Наверное. Все одинаковы. Мужчины. Женщины. Люди.

Равны.

И равно беспощадны.

А Меррон зря надеется на чудо. У нее всего-то есть – кусок мыла и шарик, способный вызвать сон. Тогда уснет и она, но... это лучше, чем ничего. И Меррон разжала пальцы.

Шарик ударился о камень с глухим, совсем не стеклянным звуком. Покатился. И был остановлен носком сапога.

– Извини, – сказал лорд-канцлер, поднимая шарик. – Но войны без случайных жертв не бывает.

И рядом с лордом-канцлером возник невысокий человек в серой одежде, который сказал:

– Пойдем.

Меррон подчинилась. Один – это не дюжина. С одним она справится... или сбежит... бросит мыло и сбежит. Главное, отойти подальше. Не будут же ее на глазах у всех резать? Хотя на первый взгляд при ее палаче оружия не было, Меррон не сомневалась, что он воспользуется стилетом, тонким длинным клинком, хорошо бы острым, тогда не очень больно будет. Он провел ее мимо стражи, и люди в броне отворачивались, словно не желая встречаться с человеком взглядом...

Поворот. Лестница вниз. Человек пропускает Меррон.

– Далеко идти? – Она решается задать вопрос.

– Иди.

Пролет и еще пролет... снова... в подземелья?

Там мертвецкая. Ивар.

Мертвецкая. Ну конечно, тело в любом случае попадает туда, а палачу лень нести. Да и зачем, когда Меррон сама дойти способна. Она и идет... если Ивар на месте, то... ничего. Он же не воин.

Зато в мертвецкой крепкая дверь.

И вторая имеется. Одну запереть, а через вторую – сбежать. Хороший план? Безумный, но другого нет. И Меррон соглашается, что попробовать надо. Если все равно умирать. Но лестница вывела в незнакомый коридор, и человек сказал:

– Стой.

Все? Вот так? В каком-то закоулке замка? За углом? И просто бросят крысам? Меррон не желала, чтобы ее крысы ели. Она развернулась, взглянула в глаза человеку, который собрался ее убить, вздохнула и изо всех сил пнула его в колено.

Ботинки на Меррон были крепкими.

И колено тоже. Палач не шелохнулся, и, вместо того чтобы побежать, Меррон скрюченными пальцами вцепилась в его лицо, норовя выцарапать глаза. А он не взвыл и не схватился за ногу, оттолкнул Меррон, но почему-то вдруг стало очень больно. Слева.

– Идиотка...

Меррон согласна. Полная идиотка. Полноценная даже.

Она прислонилась к стене и по стене сползла, снизу вверх глядя на человека, сумевшего таки исполнить приказ. И ставший ненужным кусок мыла вывалился из рукава.

На что она рассчитывала? На чудо.

С такими, как Меррон, чудес не случается. И, не желая видеть убийцу, Меррон закрыла глаза. Боль уходила, сменяясь холодом и неприятным оцепенением. А та штука в груди мешала очень. Меррон хотела было вытащить – не позволили.

– Не шевелись. Ну какого ляду тебе надо было...

Не шевелится. Прячется. В темноте. Если сидеть тихо-тихо, то ее не найдут...

Сержант точит меч.

Шестой час кряду.

Круговыми движениями. Вдоль кромки клинка. Аккуратно. Неторопливо. Сосредоточенно.

В какой-то момент он останавливается, всего на секунду, и, не повернув головы, произносит:

– Тебе лучше уйти. Лаашья, ты с ней. Дверь закрыть. Не открывать.

Мысли не подчиниться не возникает. Мне страшно, и, кажется, не только мне. Лаашья торопливо запирает дверь спальни и придвигает для надежности комод. Мы садимся на пол обе и смотрим друг на друга. А с той стороны не доносится ни звука. Однако тишина не успокаивает. Я открываю рот, чтобы задать вопрос, долго ли нам прятаться, но Лаашья качает головой и прижимает палец к губам. Молчи.

Молчу.

Жду. Снова тошнит, на сей раз от страха, и боюсь я человека, который находится по ту сторону двери. Если, конечно, он все еще человек. Кайя называл себя чудовищем, но ни разу рядом с ним я не ощущала себя в опасности. Теперь же... дверь тонкая. Пара ударов меча, и ее не станет. А потом что?

Сержант убьет меня?

Или все-таки опомнится и выдаст Кормаку?

Не знаю.

Сворачиваюсь на ковре калачиком и зову Кайя. Ждать недолго осталось, но... я не уверена, что мы выдержим. Пожалуйста. Вернись побыстрей.

Вежливый стук заставляет вскочить. И Лаашья шипит, вытягивая клинки. Она тоже будет защищать меня ото всех, в том числе от Сержанта. Чем же наша светлость заслужила такую преданность?

Ничем.

– Леди, – голос мертвенно-спокоен, – прошу прощения, что напугал. Вы в порядке?

– Да.

– Хорошо. Если вам спокойнее за запертой дверью, то не открывайте.

Мы переглядываемся. Я не знаю, насколько могу доверять Сержанту, и Лаашья пожимает плечами, но все-таки решается и сдвигает комод.

Поворачивает ключ в замке.

Открывает дверь.

И первая переступает порог.

Сержант нормален, вернее, обыкновенен, что само по себе не нормально. Но сейчас не время и не место лезть в душу.

– Если будет штурм, то сегодня. Перед рассветом. – Сержант взмахом руки отсылает Лаашью, и мне крайне неудобно оставаться наедине с ним. – Не стоит меня бояться. Я... контролирую свои эмоции.

Мебель цела. Стены. Ковер. Немногочисленная посуда. Вазы. И свечи на месте остались.

Он не собирался нападать.

Ему нужно было одиночество.

– Я думал, будет иначе. – Сержант едва заметным кивком дал понять, что мое невысказанное предположение верно. – Не так... пусто. Я привык к пустоте. И значит, все нормально.

Он будет повторять себе это каждую свободную минуту. И занимать так, чтобы минут не осталось.

Будет лгать.

Верить.

И понимать, что лжет. А потом однажды устанет.

– Зато я знаю, что буду делать потом. Когда все закончится.

– Что?

– Убивать. – И эта замечательно безумная улыбка, знакомая по дядюшке Магнусу.

Со временем штурма Сержант ошибся: Кормак не стал ждать рассвета. И ему не понадобилось подниматься по лестнице. Просто беззвучно распахнулась дверь за моей спиной, и мягкий баритон произнес:

– Доброй нот-чи...

Если это существо и было человеком, то давно.

Наверное, оно умерло, скорее всего, в пустыне, где горячий ветер иссушил тело, а солнце вылизало кожу дочерна, сделав ее твердой и ломкой, как лист пергамента. И кожа эта с остатками волос плотно облепляла череп, на шее ее прорывали тонкие тяжи связок, а просторная серая хламида не могла скрыть неестественной сутулости фигуры. И двигалось существо рывками, в каждом движении преодолевая сопротивление мира.

Почему я не закричала?

Наверное, потому, что не испытала страха, скорее уж жалость: нелегко быть живым насильно.

Существо кивнуло и протянуло руку. С его ладони скатился темно-синий шарик, который раскололся надвое. И мир вокруг замер. Часы, бившие полночь – каждый удар рождал в Башне каменное эхо, – замолчали. Воздух стал вязким, время – медленным. А собственное тело – неподъемно тяжелым. Я хотела встать. Закричать. Оттолкнуть мертвые, которое вдруг оказалось так близко.

Его пальцы, сухие и теплые, сдавили мое запястье.

И серая тамга соскользнула.

А я вдруг поняла, что не нужно сопротивляться. У существа чудесные глаза – розовые, как срез сердолика. Не разделенные на белок и радужку. Лишенные зрачков.

Такие глаза видят больше, чем доступно смертным.

Наша светлость отражается в них... и нельзя отвести взгляд, иначе отражение потеряется в сердолике и я навек останусь там, в розовой каменной тюрьме.

Существо протягивает руку.

Я встаю.

Делаю шаг, который дается с трудом. Силы уходят, как вода сквозь песок... Нет. Я не пойду за ним. Я останусь. Отступлю. У меня есть нож, возможно, бесполезный, но это лучше чем просто подчиниться.

Возвращаюсь в кресло.

Дышу, преодолевая сопротивление воздуха.

– Стой.

Окрик. И я моргаю, окончательно срываясь с поводка.

– Хаоту запрещено вмешиваться в дела этого мира.

Сержант на ногах. И с оружием. Но он один – я знаю, что остальные застряли в ловушке времени, они остались там, где часы никогда не отсчитают полночь. А мы где-то в ином месте, потому как комната плывет... меняется. Точно выворачивается наизнанку.

– Интер-р-ресно, – произносит существо. Губы его неподвижны. Губ почти и нет – высохшие куски кожи, намертво прилипшие к деснам. Они стали короче и не прикрывают бурых зубов. – Кровь...

Вытянув руку, оно касается Сержанта, который пытается ударить, но не может. А вот на его щеке появляется рана, сама по себе. И красные капли крови послушно собираются на ладони существа, которое высыпает их в пробирку. Капли так и лежат – красные шарики точно ягоды клюквы. И одна отправляется на язык. Существо щурится, задумавшись.

– Из-смененный.

Интересные у них там методы исследований.

– Сильный.

Существо неподвижно, внешне безучастно – да и может ли неживое проявлять участие? – однако с Сержантом явно что-то происходит. Он держится на ногах, но... выгнулась шея, плечи, точно пытаюсь противостоять невидимой тяжести. В меч вцепился обеими руками, только все равно не сумел на весу удержать. Лицо покраснело.

И когда из ушей пошла кровь, я не выдержала:

– Хватит!

В этой смерти не будет ни красоты, ни смысла. Сержанту не одолеть мага – и где, спрашивается, благодушный старичок в расшитом звездами балахоне? – а я останусь наедине с ними.

– Прекрати. И мы пойдем с тобой.

Я и так пойду с ним, потому что вряд ли сумею оказать сопротивление. Попытаюсь, конечно.

– Тебе ведь приказано доставить меня в целости, так? И не причинять вред?

Пальцем в небо, но если Кормак собрался торговаться с Кайя, имеет смысл сохранить объект торга в наиболее товарном виде.

– Я не одолею тебя, но, сопротивляясь, могу повредить себе. Это расстроит твоего хозяина.

– Нет хоз-сяина.

– Хорошо, того, кто тебя нанял.

Что ему пообещали? И могу ли я пообещать больше?

– Нет, – ответило существо. – Я согласен. Пусть бросит оружие.

– Делай, что он сказал.

Сержант покачал головой. Вот же паразит упертый! Я понимаю, что жить ему не слишком-то хочется, но у нашей светлости свои интересы. Сам же говорил, что доброта – это роскошь.

Даже по отношению к друзьям.

– Подчиняйся. Или решил бросить и меня тоже?

Злится. Но руки разжимает. А меч падает беззвучно. Интересно, как долго продлится это межвременье?

За дверью дверь.

И двор.

Карета. Четверка лошадей. Десятка три охраны.

Лорд-канцлер, который не спешит злорадствовать. Он явно нервничает, поглядывая на союзника – а я отчетливо понимаю, что маг не наемник, но именно союзник, – с опаской.

– Сержант отправится со мной. – Я пытаюсь держаться настолько спокойно, насколько это возможно в нынешних обстоятельствах. – Я не слишком доверяю вашим людям, чтобы оставаться с ними наедине.

– Как будет угодно леди. – Кормак открывает дверцу, а я замечаю, что изнутри ручек нет. И полагаю, окна забраны узорчатыми решетками не красоты ради.

– И Меррон тоже.

Это наглость со стороны нашей светлости: торговаться поздно, но я торгуюсь. Пытаюсь хотя бы.

– Боюсь, это невозможно.

– Что с ней?

Лорд-канцлер косится на Сержанта, который делает вид, что ему глубоко плевать на происходящее вовне.

– Девушка... повела себя неблагоразумно. Пыталась бежать. Была ранена. К сожалению, спасти не удалось, хотя доктор очень старался.

Сержант зачерпнул горсть снега и трет шею, смывая кровь.

– Леди, я действительно не враг вам. И прекрасно осознаю, что в будущем нам придется сотрудничать. К чему мне создавать лишний повод для мести? Произошло недоразумение, исправить которое не в моих силах. Но будьте уверены, вам не причинят вреда.

Буду, тем паче что бежать некуда, а стоять на снегу холодно. Платье мое продувает на раз, но в карете неожиданно тепло. И песцовая шуба – крайне своевременный подарок. Наша светлость не настолько горда, чтобы от него отказаться. Замерзнуть назло врагу – есть ли поступок более нелепый?

А вот звуки снаружи не проникают.

Стенки кареты обиты тканью, под которой скрывается толстый слой войлока.

– Ложись. – Сержант забивается в угол. – Тебе надо отдохнуть.

– У нас выйдет сбежать?

– Одному – да. С тобой – нет.

Ясно. Наша светлость слаба и категорически не приспособлена к погоням, сражениям и прочим неурядицам, поджидающим беглецов.

– Слишком опасно, – снизошел до пояснения Сержант.

Больше разговаривать не о чем. Я кутаюсь в мех, пытаюсь отделаться от нехороших мыслей о собственном будущем. Он пялится в потолок.

– Это был маг?

- Да.
- Ты не мог предвидеть его появление.
- Наверное.
- И не мог победить.
- Да.

Этот разговор бесполезен, но меня не оставляет ощущение, что, если замолчать сейчас, Сержант окончательно замкнется.

- Почему он просто не переместил нас в другое место?
- Переместил, – отвечает Сержант. Из-под лавки выползает Майло, грязный и злой. –

Вы не почувствовали просто.

В Майло больше не осталось ничего детского. Очередная маска сползла, и я уже не удивляюсь.

- Думаю, к границе добросили.
- Какой?
- Без понятия. Но в протекторате вас прятать бессмысленно. Почует и без маяка. Майло вытирает лицо и сгребает с волос паутину.
- Леди, у вас врагов, как тараканов. Не желаете ли нанять опытного ликвидатора?

Глава 6

Последствия

Вполне вероятно, что если сойти с ума, то мир вокруг окажется ближе, понятней и родней.

Размышления о жизни

Юго разглядывал лицо женщины, с некоторым опасением выискивая признаки грядущей истерики.

Он рисковал.

Когда увидел карету во дворе.

Когда крался, раздвигая лиловые нити, замирая на выдохе – как бы не потревожить плетение. Добравшись до окна, едва не закричал от радости. И уже почти ни о чем не думал, спускаясь по обледенелым петлям винограда.

Ждал.

Дождался – маг, отпустив сеть, начал новое плетение. Он менял пространство, вырезая пласт Кривой башни, и время разломилось надвое. На перекрестье слоев застыла карета. Всхрапывали кони, трясли головами, готовые вот-вот рвануть, и люди, которые тоже исподволь ощущали неладное, спешили животных успокоить.

И тем, и другим отвести глаза легко.

Слабая магия Юго растворилась в чужой, и он надеялся, что эмиссар слишком занят делом и миром – о да, тот отчаянно сопротивлялся, норовя вытолкнуть умертвие, – чтобы отвлекаться на малые искажения поля. Пробравшись в карету, Юго забился под сиденье и вкатил в шею полную дозу мертвоцвета. Это и вправду походило на смерть, как Юго себе представлял. Сердце замедлилось до предела. Разум оцепенел. И Юго перестал существовать. Неприятно, но... только так он уйдет от зова. И от мага, который непременно позовет Юго, как только закончит с делом. Нет, теперь при всем желании он не сумеет отыскать Юго.

А вот люди – вполне, додумайся кто-нибудь заглянуть под сиденье.

Но, на счастье Юго, люди были слишком заняты.

Дозы хватило на полчаса. И выброс силы, скомкавший пространство – в этом не было ни красоты, ни мастерства, видимо, мир вымотал эмиссара, – вымыл остатки снадобья из крови. Юго мутило. Крутило. И почти выворачивало наизнанку.

В самый последний миг, когда воронка уже отпустила карету, маг заподозрил неладное, швырнул петлю, но поздно: Юго убрался из замка.

– Это ты стрелял в моего мужа? – Изольда не собиралась плакать, но говорила спокойно. Спутник ее и вовсе закрыл глаза, притворяясь спящим.

Ложь. Дыхание учащенное, поверхностное. И сердце бьется быстрее обычного. Стандартная реакция на адреналин. Пожалуй, Юго мог бы поделиться знанием о том, что стресс требует активного выхода, в противном случае грозит разрушением организма. Но сейчас он был занят беседой.

Потенциальный наниматель имеет право знать правду. В том объеме, который не нарушает права предыдущего нанимателя.

– Я.

Кивок и новый вопрос:

– Зачем?

– Контракт. Леди, я – исполнитель. Я беру на себя обязательства и их исполняю. Качественно. С гарантией.

Про то, что он едва не промахнулся, ей знать не следует. Никому не следует. У специалистов такого класса, как Юго, резюме должно быть идеально.

– Мне следует тебя убить. – Она кутается в шубу, но не от холода. Эта дрожь той же природы, что и учащенное сердцебиение Сержанта. Физиология стресса, страха и подавляемого гнева. У людей сложные отношения с эмоциями, особенно некоторыми.

Расширенные зрачки выдают волнение. Бледность – результат спазма капилляров. И леди стоит успокоиться. Юго очень нужен наниматель.

– У вас не выйдет. – Он старался говорить спокойно и взгляд не отводил. У людей странное заблуждение, что человек, смотрящий в глаза, солгать не способен. – У него – возможно. Но сами подумайте, борьба привлечет внимание охраны. Они решат, что вы собираетесь бежать... предпримут меры... меня не будет. Его не будет. А ваша жизнь затруднится многократно.

Изольда вздохнула: не будет звать на помощь. И согласится на сделку. Поторгуются – все торгуются, – но потом все-таки наступит совесть на горло. Совесть – это роскошь.

– Он прав. – Сержанта забросил ноги на сиденье кареты.

По расчетам Юго, ехать им недолго. Пару часов от силы, а там – побережье и корабль. По воде ни одна ищейка след не возьмет.

Дальше что?

Островок. Небольшой. Неприметный. Но давным-давно обжитой. Крепость с хорошим обзором на случай внезапного штурма. И гарнизоном с полсотни... полсотни – это много на двоих.

– Думайте, леди. – Юго снял с уха клочок паутины. Все-таки карету могли бы и убрать перед таким путешествием. – Хорошенько думайте.

Думает. Перебирает аргументы, затыкая совесть доводами разума.

– Твои условия?

– Обычно я заключаю договор на одно дело. Вы называете имя клиента и срок исполнения заказа. Я работаю. Но сейчас я готов принести вам вассальную клятву.

Не понимает.

– Он будет служить тебе до смерти. – Сержанта был на редкость удобным собеседником. Рот открывал исключительно тогда, когда имел что сказать.

– Чьей? – Это было разумное уточнение.

– Твоей. Или его. Неважно.

– Я не смогу навредить вам, леди. Ни прямо, ни косвенно. Ни действием, ни бездействием.

Кивок. И пальцы касаются подбородка. Дрожь утихла. Она успокоилась, но все еще не верит Юго, потому что уже верила Майло, а тот обманул, оказавшись совсем не тем, кем она думала.

Все вокруг ей врут.

Какая жалость!

– И что взамен?

– Защита от Хаота, полагаю. – Сержант ерзал, пытаясь улечься на лавке, слишком короткой для него. И поза, выбранная им, была не очень удачна для отдыха. Ноги затекут. И рука, сунутая под голову, тоже. – Ты же из беглых.

Из мертвых. Считавшихся таковыми. Но сейчас магистр пришел за Юго: не странник, не боевой маг, но именно некромант, который если и покидает пределы Хаота, то по веской причине.

Веской причиной чувствовать себя было неуютно.

– Как ваш вассал я принадлежу этому миру. И меня нельзя судить по законам Хаота.

И исполнить уже вынесенный приговор.

– Видите ли, леди, мне совершенно не хочется превращаться в умертвие.

Опять не понимает. Но это допустимо: никто из тех, кому не случилось жить в Хаоте, не понимает, а те, кто понимает, благоразумно молчат. Но для Юго в данном конкретном случае молчание вредно.

– Хаот не любит разбрасываться... материалом. В том числе человеческим. Я действительно хороший специалист. Полезный. А безвольным умертвием и того полезней. Служить стану неограниченно долго... преданно...

...бесплатно.

Интересно, когда-нибудь я научусь видеть людей такими, как они есть, а не такими, как рисует мое несчастное воображение? И даже сейчас, глядя на Майло – его зовут Юго, Изольда, Юго, запомни, – я видела смешного мальчишку в алой курточке. Как представить, что это дитя стреляло в Кайя?

Пыталось убить меня.

И если не убило, то, значит, не ставило себе такой цели.

Хороший специалист. Полезный.

Впору рассмеяться, вот только, подозреваю, смех этот будет до слез, а нашей светлости слезы ни к чему. Что ему ответить?

Зла ли я?

Зла. Именно он выпустил пулю, которая ранила Кайя, и, следовательно, так или иначе виновен в неприглядном моем нынешнем положении. Но... Юго действовал не по собственному почину. Ему, вероятно, глубоко все равно, в кого стрелять.

Цель выбрала Ингрид.

Мага пригласил Кормак.

А нашей светлости следует использовать те ресурсы, которые имеются под рукой.

– Что конкретно я должна сделать?

У Юго белые глаза, не синие, яркие, как у Майло. И лицо лишено детской мягкости черт. Та маска, которая была прежде, тоже создана магией? Или всего-навсего моим собственным воображением? Оно у меня, оказывается, яркое.

Юго опустил на колени и, сложив руки, протянул мне. Его ладони оказались почти одного размера с моими. А голос звучал глухо, торжественно.

– Я, Юго, не имеющий иного имени, кроме этого, рожденный в Полярном мире, клянусь в моей верности быть преданным с этого мгновения Изольде Дохерти и хранить ей перед всеми и полностью свое почтение по совести и без обмана. Клянусь сражаться против всех мужчин и женщин, буде таковы ее воля и приказ. Клянусь не причинять вреда своей леди, не покушаться ни на ее жизнь, ни на ее честь, ни на ее семейство, ни на ее имущество.

От меня ждут ответа, но я не знаю правильных слов!

Однако начинаю говорить:

– Я, Изольда Дохерти, принимаю клятву и называю Юго, не имеющего иного имени, кроме этого, рожденного в Полярном мире, вассалом дома Дохерти. Обещаю ему защиту и покровительство дома.

Имею ли на это право? Сержант молчит. А среди моих обязанностей... кажется, было что-то про вассальные клятвы.

Юго встает с колен.

А я... раз уж выпало обзавестись собственным ликвидатором – звучит солидней, чем наемный убийца, благородней как-то, – знаю, какое имя назвать. Вот только Юго качает головой:

– Нет, леди. Я способен убить Кормака, но сейчас он вам нужен. Он кровно заинтересован в том, чтобы вы были целы и невредимы. А вот остальные, потеряв направляющую руку, просто испугаются. Страх же заставляет людей делать странные вещи.

Тяжело признать его правоту.

Кормак по-своему заботится обо мне. Я не интересую его как человек, но вот залог будущей сделки – другой вопрос. Те же, кто меня сопровождает, кто будет укрывать и держать взаперти, узнав о смерти Кормака, попробуют откреститься от своей причастности к этому делу. И уберут свидетелей.

– Да и, – Юго, вытащив из кармана потрепанный берет, нахлобучил его на макушку, – не успею я вовремя. Все-таки я ведь не волшебник...

...а только учусь.

Сержант, кажется, заснул. Исчезло то равнодушное выражение лица, за которым он прятался, как за щитом. Сейчас он растерян и обеспокоен. Рука, лежащая на животе, то и дело сжимается в кулак и тут же разжимается, вновь и вновь отпуская несуществующее оружие.

– Если хотите, ложитесь. Я посторожу, – предложил Юго. – У меня и успокоительное есть.

О да, нашей светлости пригodiлось бы, но... как-нибудь обойдемся. Да и не хочу я спать. Едем. Дорога становится ощутимо хуже: карету трясет, качает и подбрасывает. Впрочем, Сержант, кажется, не замечает неудобств, его сон крепок как никогда. И я совершенно не желаю знать, что именно он видит, но молчание невыносимо. Некоторое время считаю ухабы. Вспоминаю события последнего часа – или уже часов? – и все-таки не удерживаюсь от вопроса:

– Маги... все такие?

– Многие. Им не хочется умирать. А сила позволяет жить, вот только... это мало на жизнь похоже.

И, пожалуй, я понимаю, что хочет сказать Юго.

Тот маг был... не мертвым. Он двигался. Разговаривал. Определенно существовал в пространстве как разумное создание, возможно, куда более разумное, чем наша светлость. Но разве это жизнь? Она если и осталась, то лишь в сердоликовых глазах.

И та – привнесенная извне.

Зачем Кормаку это существо – понятно. Но зачем ему Кормак?

– Что магу здесь нужно?

– Думаю, плацдарм. Им не нравятся закрытые миры, вернее, свободные от Хаота. Еще

вернее, миры с огромным ресурсным потенциалом, свободные от опеки Хаота. Это видится им несправедливым. Вот ищут повод... восстановить справедливость.

И сейчас я как никогда хорошо понимаю то, о чем говорит Юго: кто ищет, тот всегда найдет. Тоталитарная нехватка демократии в отдельно взятом протекторате, которая привела к массовому народному недовольству и вынужденному вмешательству мага.

Как-то так, я думаю: миры другие, а способы действия – те же.

– Они всегда были самоуверенны. – Юго грызет ногти, а я не знаю, стоит ли делать ему замечание. – Думают, что если получилось прийти, то получится остаться.

Он убежден, что эти надежды безосновательны. А я не знаю. Наша светлость представляла магов иными. Нынешний же... оно страшное. Сильное. Способное изменять время и пространство. Подозреваю, что не только это. Но если мир столь долго был недоступен, то... что изменилось?

Кайя ушел.

Он вернется. Встретится с Кормаком... и, чтобы не думать о том, что произойдет дальше, я отворачиваюсь к окошку и сдвигаю шторку. Стекло затянуто инеем, и если даже отогреть – некоторое время я всерьез раздумываю над тем, чтобы поднести к стеклу свечу, – то вряд ли я увижу что-то помимо дороги.

А дорогу не узнаю.

Этот мир все еще чужой. Он принял меня, а я закрылась от него за стенами замка. И не потому ли все получилось именно так, как получилось?

– Скажи, – я возвращаю занавеску на место и поворачиваюсь к Юго, который по-прежнему сидит на полу, – почему тебя не обнаружили?

Ребенок? Нет.

Карлик, притворяющийся ребенком? Тоже нет.

Он что-то третье.

– Потому что я хорошо прячусь. Ты увидела во мне ребенка. Поверила. А потом и все остальные. Люди всегда видят то, что хотят. Еще люди не боятся тех, кто выглядит слабым. Дети слабы. Удобно.

Я вспомнила первую встречу. Подарок. И робость маленького пажа... желание понравиться... искренность. Признание Кайя, что он не делал мне подарков. И обоюдная уверенность в том, что Магнус вмешался.

А спросить Магнуса забыли.

– В твоём мире... все такие?

Взрослые дети.

– Да. Там мало еды и много холода. Дети должны созревать быстро, чтобы популяция не исчезла. Это называется неотения. Так мне сказали в Хаоте. Им было интересно, что будет, если поместить меня в... непривычные условия. Я не люблю жару. Я к ней не приспособлен.

Разложив на колене берет, Юго трет ладошкой ткань, пытаясь избавиться ее от грязи. Морщится. Вздыхает горестно. Так действовал бы Майло.

– Ты поэтому сбежал?

– Нет. Я привык. Но мир тянул обратно. Это причиняло боль. Хаот обещал, что, если я сумею удержаться, боль уйдет. Солгали. Боль мешала использовать силу, и Хаот собрался меня... запечатать. Лишить способностей. Лишить разума. Сделать... карто или кем-то вроде. Не живым. Тогда я сбежал. Вернулся домой и понял, что не могу там жить. И не могу жить в другом месте. Пока не попал сюда. Здесь я не слышу зов, и зима у вас красивая. Зиму

я люблю...

Снова разговор обрывается. Я изучаю Юго. Он, убедившись, что вернуть берету былую красоту не выйдет, – карету. Осматривает тщательно, каждый сантиметр. И эта его скрупулезность внушает безумную надежду: сбежим.

Куда? Не знаю. Но если втроем... телохранитель на грани психоза, ликвидатор и наша светлость. Чудесная подобралась компания.

Закончив осмотр – тайных дверей не обнаружено, – Юго усаживается на пол и скрещивает ноги. Он достает из карманов предметы, весьма странные на первый взгляд. Тонкую тростниковую дудочку, которую прикладывает к губам, дует, но та не издает ни звука и отправляется влево.

– Знаете, мне всегда была непонятна в людях эта маниакальная привязанность к особям противоположного пола.

...округлый камень с дыркой, вроде того, подаренного Тиссе, но все-таки иной. Этот камень на мгновение становится прозрачным, желтым, но тут же крошится. Его место рядом с дудочкой.

– Это делает вас слабыми. Зависимыми. Посмотри на него.

Длинная трехгранная игла – направо. И черный футляр с мертвыми жуками.

– Вместо того чтобы найти женщину и спариться с ней, а потом уйти, оставив достаточно еды для нее и потомства, он к ней привязывается.

И предает, пытаясь сохранить мир людям, которых считает недостойными мира и вообще доброго слова. Нелогично. И мучительно.

Шелковую ленточку с тремя бантиками – налево. Складной нож – направо. Слянку с куском темноты туда же. И серебряный портсигар, который Юго открывает, демонстрируя желтоватые иголки, на первый взгляд совершенно безопасные.

– Или вот твой муж... ты... вы все оружие друг против друга. В моем мире все проще.

Карманы Юго бездонны, но, кроме ножа и иглы, я не вижу ничего, хотя бы отдаленно напоминающее оружие. С другой стороны, что я знаю о наемных убийцах?

Стреляет он метко.

– Но иногда мне кажется, что я упускаю из виду что-то важное.

Две монеты прилипают к пальцам и сталкиваются. Протяжный звон. Такой тяжелый.

– Спи, леди. – Юго вновь переходит на «вы». – Вам следует беречь силы.

– Ты... – Вдруг я вспоминаю Мюрича. И служанку, едва не проспавшую мое убийство. Сказку о свирели, которая насылает волшебный сон. – Ты можешь им сыграть?

И мы просто уйдем.

– Нет, – отвечает Юго, вновь сталкивая монеты. – Магии во мне капля осталась... и вещи все высушил.

Он говорит о темнолицем магистре с каменными глазами.

– На вас вот хватит. А больше – нет. Спи...

Монеты вызывают мелодию. Колыбельную.

И я, кажется, слышу мамин голос. Я ведь помню, как она пела... редко, правда. И слов не различить. Но все равно закрываю глаза, не желая, чтобы песня оборвалась.

Магия?

Пускай. Мне и вправду отдохнуть не мешает, раз уж больше заняться нечем.

Стоило закрыть глаза, и внутренняя пустота заполнялась огненными кошками. Они

просачивались сквозь стены кареты, ложились на колени, выпускали когти и драли кожу.

А боли не было.

Сержант ждал, ждал, а ее все не было. Он с каким-то отвлеченным интересом смотрел, как кошки снимают пласт за пластом кожу, мышцы и краем сознания отдавал себе отчет, что происходящее это не сон.

Или же он сошел с ума, не медленно, как брат, а в одночасье.

– Брысь, пошли! – сказал Сержант, пытаясь ухватить кошку за шкурку. Пламя затрещало и опалило руку, но опять же ничего не почувствовал.

А кошка вдруг убрала когти и замурлыкала. У нее были узкие нарисованные глаза темно-карего цвета. Не глаза – переспелая вишня.

Та, что сгорела вместе с дворцом.

Наверное, теперь кошки станут приходить часто. И Сержант вспомнит, как уживаться с ними. Положив кошку на колени, он провел по искристой шерсти рукой.

– Будем играть?

Кошка сощурилась, не спеша отвечать. Та же женщина, только четвероногая. Но от этой у Сержанта избавиться не выйдет. Он и не хочет. Должно же остаться хоть что-то?

А раны заживут.

На нем всегда быстро заживало.

...кровь лучше отходит в холодной воде. Положить на один камень, тереть другим. Потом отжать, стараясь не разорвать ткань, и натянуть еще сырую, липнущую к телу. Сразу становится холодно, но Дар не идет к костру, держится поодаль.

Эти люди – чужие.

Дар убил бы их, если бы смог. Но у него больше нет оружия, а люди за своим следят. Хотя на берегу реки хватает камней, и Дар нашел один, тяжелый и острый. Удобный. Осталось выбрать жертву.

И, присев на краю темноты, он разглядывает людей.

У того, который правил телегой, нет имени. Все зовут его Сержантом, а он отзывается. Он крупный и седой, носит бороду, усы, а волосы в косу заплетает.

Без оружия.

Но ему, наверное, и не нужно. Каждый кулак – с голову Дара.

Значит, нельзя под кулаки попадать.

А лучше выбрать кого-нибудь другого – все-таки неправильно убивать того, кто тебя кормил.

Над котлом колдует невысокий человечек, какой-то весь округлый, бестолковый. Он излишне суетлив и выглядит беспечным. Однако нет-нет да останавливается его взгляд на кромке леса, на тех кустах, в которых прячется Дар.

И значит, человек не так прост.

Двое других обыкновенны. Воины, как те, которые во дворце... от него, говорят, остались головешки, но Дар не понимает, разве возможно такое? Врут.

Уйти?

Вернуться по дороге, пересчитав мертвецов, и лично посмотреть?

Наверное, это было правильное решение. Но осуществить его не вышло. Чья-то рука схватила за шиворот, подняла, тряхнула и швырнула к огню.

– Смотри, Сержант. Сбежит, со всего десятка шкуру спущу.

Этот голос заставил прижаться к земле и зарычать. Вот тот, кого Дар должен убить.

– Посади на цепь.

Он сумел вскочить и добраться до цели. Ударить камнем по протянутой руке и получить второй рукой по зубам. Запоздало подумалось, что зря рубашку стирал – все равно кровью зальет.

А враг присел на корточки и, вцепившись в волосы, голову задрал. Шея отчетливо хрустела. Но Дар, сцепив зубы, разглядывал человека, которого непременно должен убить.

Рыжие волосы. Рыжие глаза, почти как у брата. И черный рисунок.

Задача усложнялась. Дар не знал, как можно убить протектора.

Но выяснит.

– Злой, – сказал враг. – Жаль, что младшая ветвь. Тебя, пожалуй, можно было бы чему-то научить.

Рычать с вывернутой головой было неудобно.

– Ладно, на что-нибудь сгодишься.

Дара отпустили. Он поднялся, не сразу, но поднялся. И лишь затем, чтобы попасть в руки Сержанта. Тот, правда, не стал бить, но вытер лицо мокрой тряпкой и, оттащив к костру, сунул плоску с кашей.

– Ешь.

Дар не стал отказываться. Чтобы жить и убивать, нужны силы.

Но на цепь его все-таки посадили: Сержант не любил рисковать своими людьми.

Проснулся Сержант оттого, что карета замедлила ход. Не открывая глаз, попытался определить направление. Восток. И море рядом.

Знать бы еще, какое именно.

Какое бы ни было, но корабль – куда более надежная тюрьма, чем карета.

– Ты не спишь. У тебя дыхание изменилось. И движения глаз выдают. – Чужак сидел на полу и снова выглядел ребенком.

Правильно: если прибыли к пункту пересадки, то в любой момент может появиться охрана.

– Я принес клятву, – сказал он, поправляя берет.

– Хорошо.

Открыть глаза. Приспособиться к сумеркам – плотные занавески и догоревшая свеча создавали иллюзию ночи – и сесть. Размять затекшие мышцы. Выровнять дыхание.

– Я хотел спросить, почему из всех женщин ты выбрал именно эту? И почему не способен изменить выбор?

– Не знаю.

– То есть это не было осознанным действием?

– Не было.

К счастью, больше чужак вопросов не задавал.

Ехали еще два часа. Пустых. Наполненных самыми разными мыслями, избавиться от которых не получилось. И, сдавшись, Сержант вытащил из кармана фарфоровую кошку.

С ней не обязательно разговаривать вслух.

Вообще разговаривать не обязательно.

Одни проглатывают обиду. Другие – обидчика.

...из записок старого ученого,

посвятившего жизнь наблюдению за людьми

Что я помню о пути?

Остановка. Берег. Зеленоватая галька, которой Майло набил опустевшие карманы. К слову, его появление никого не удивило. Люди пребывали в уверенности, что Майло присутствовал в карете изначально, чтобы наша светлость не заскучала.

И это спокойствие меня не удивило. Фрейлины, слуги, рыцари, Кайя... все, кому случалось встречаться с Майло, были убеждены, что точно знают, кто он и откуда появился. Магия? Майло назвал это врожденной способностью: в его мире важно уметь прятаться или притворяться своим.

На берегу мы пробыли недолго, сменив карету на плоскодонный барк, где нашу светлость приняли как дорогую гостью, и не следует обращать внимание на досадные мелочи, вроде решеток на окнах и запертой двери. Разве в этом проявляется истинное гостеприимство? Подали обед, но от запаха жареного мяса к горлу подкатила такая тошнота, что ночная ваза, пустая и чистая, пришлась весьма кстати.

Нервы, нервы... пора лечить.

И занять бы себя чем-нибудь, но нечем. Пытаясь унять тошноту, я расхаживала по каюте, трогая чужие вещи. Сундук. Книги. Кровать, прикрученную к полу. И стол тоже. Стул один, и его занял Сержант, пребывавший в странном полудремотном состоянии.

Юго чувствовал себя куда свободней.

Взломав замок на сундуке – моя совесть не мяукнула даже о том, что гости себя подобным образом не ведут, – он вытащил карты. Раскатывал на столе, придавливая углы книгами, астролябией и квадратной массивной чернильницей. Я не мешала. Карты были рисованы от руки, видно, что не единожды правлены.

Кривая линия побережья. Россыпь городов. Непропорционально широкие дороги и треугольники-горы на юге. Кажется, что на юге. За островами выглядывает из волн сказочный змей. А в левом верхнем углу карты улегся тигр... или кто-то на тигра похожий. Юго, водя пальцем по бумаге, читал названия городов. Вслух.

– Восточная граница, – произнес Сержант. – Территория Ллойда.

Что это нам дает? Разве что ощущение места в огромном мире.

Барк причалил к берегу. А я подумала, что островов на карте не менее сотни и нанесены, пожалуй, самые крупные. А этот... серая гранитная глыбина, заключенная в квадрат из стен. Крепость старая, судя по кладке, отживающая свой век. Стены ее поросли желтоватым мхом, а единственная башня частично осыпалась. В дыре гнездились птицы, и, возбужденные нашим появлением, они поднялись в воздух.

Птицы вились над крепостью и орали, громко, пронзительно, раздражающе.

Дорога брала начало от полугнилой пристани, поднималась к воротам, распахнутым

настежь, и терялась в опустевшем дворе. В центре его возвышалось мертвое дерево, чьи могучие корни разворотили мостовую, давая шанс молодой, но хилой поросли. И тонкие стебли торчали, словно пики.

Виднелись вдали развалины хозяйственных построек, но к ним нам подойти не позволили.

Нашу светлость ждали в донжоне: мрачного вида куб с окнами-бойницами, открытым очагом, который давал света еще меньше, чем десяток факелов, закрепленных на стенах.

Что ж, тюрьма – она и должна выглядеть тюрьмой.

Но нет, нашу светлость повели на второй этаж.

В отличие от кареты или каюты эта комната явно обустроивалась наспех. Шкуры на полу и голые стены. Полуистлевший гобелен. Характерный запах брошенного помещения, не вонь, но... где-то рядом. Мебель древняя, продымленная – видимо, сушили над очагом, готовясь встречать нашу светлость. Но хотя бы матрац не сырой. И простыни чистые... правда, кровать одна.

Сержант сдвигает кушетку к двери. Подозреваю, ночью и вовсе проход перекроет, но так мне даже спокойнее. Юго обустроивается на подоконнике.

А я... я вот-вот разревусь.

– Съешь лучше конфетку. – Юго вытаскивает из кармана леденец на палочке. Сахарный петушок, точь-в-точь как тот, из моего детства. Петушков продавала старуха на станции. Мы всегда возвращались за полчаса до дизеля, и мне было скучно ждать, я ныла-ныла, что хочу есть и устала. Мама сдавалась и покупала у старухи конфету.

Жженый сахар и краситель. Что может быть вкуснее?

– Учись принимать обстоятельства такими, каковы они есть. – Юго взобрался на подоконник.

А каковы есть?

Сбежать из комнаты, возможно, выйдет.

Из крепости – тоже.

С острова?

Лодок у пристани я не заметила. Следовательно, вариант украсть и уплыть отпадает. Существует вероятность, что лодки прячут в каком-то другом месте, но это место сначала надо отыскать.

Юго без особого труда снял ставни, распахнул окно и выглянул наружу. Я тоже посмотрела.

Сумрачно. Высоко.

И внизу – море, вцепившееся в скалы.

– Побег лишен смысла. – Сержант наблюдал за нашими манипуляциями с явной насмешкой. Ну да, я тоже не видела себя спускающейся по простыням, точнее, простыне, да прямо на скалы. – Во-первых, время. Кормак и Дохерти договорятся раньше, чем мы доберемся до берега. Во-вторых, положение. Кормак достаточно умен, чтобы не причинять тебе вреда. А вот его люди – дело другое. Побег их разозлит. В лучшем случае тебя поймут и запрут в менее приспособленном для жизни месте. В худшем – произойдет несчастный случай. Я не могу допустить, чтобы с тобой произошел несчастный случай.

Мы с Юго переглянулись.

Итак, моя собственная охрана рискует оказаться надежнее той, которую оставил Кормак.

– И что нам делать?

Ответ известен мне самой: ничего.

– Ждать. – Сержант смежил веки, явно намереваясь уйти в спячку.

Ожидание затянулось на две недели.

К концу первой я возненавидела свою тюрьму, остров, Сержанта, который просыпался, лишь когда в комнате появлялись чужие. А еще сообразила, что утренняя тошнота появилась вовсе не от нервов.

Сложнее всего было вновь научиться дышать воздухом.

Потемневшая жидкость уходила из легких, которые не желали расправляться, а когда расправились, Кайя с трудом сдержал крик – дышать было больно.

Первые два вдоха.

На третьем почти отпустило.

И Кайя вспомнил о том, где находится.

– Я... жив? – Он стоял на корточках, еще не полностью ощущая собственное тело, какое-то неправильно легкое.

Жив.

Дышит.

Дыра в плече исчезла.

– Регенерация завершена. – На сей раз Оракул показался.

Он был именно таким, каким Кайя его помнил: одновременно и похожим на человека, и явно, резко иным. Его лицо, его повадки, его голос вызывали желание бежать.

Или атаковать.

Уничтожить это столь раздражающее существо.

– Неконтролируемый гормональный выброс при визуальном контакте является естественной реакцией измененных биологических объектов. Повышенная чувствительность психики к маркерам лицевой симметрии позволяет достигать нужного уровня контакта и управления.

То есть так на Оракула реагирует не только Кайя? Их всех заставили бояться. Естественная реакция.

– Система не обладает широким спектром воздействия на измененные биологические объекты. Объекты разумны. Объекты исполняют рекомендации системы. Система не вмешивается в действия объектов.

– Ясно. Спасибо. Скажи, – Кайя нащупал старые шрамы, которые остались на месте, – ты знаешь про мой блок? Его возможно снять?

– Вероятность гибели Кайя при условии внешнего вмешательства в ментальный рисунок с целью исправления – девяносто семь и девять десятых процента.

Два процента на удачу.

– А без помощи?

– Недостаточно данных для расчета.

Блок останется. И опасения подтвердились: ни Эдвард, ни Ллойд не помогут, если Кайя сам себя не спасет. Что ж, над этой проблемой он подумает позже.

– Мне бы вымыться...

Липкая жидкость застывала, пленка трескалась, шелушилась.

– Одежду и назад. – Кайя надеялся, что просит не очень много. По лицу Оракула нельзя

было прочесть, оскорбляет ли его подобная неблагодарность. Хотя вряд ли он в принципе способен оскорбляться.

Он все-таки не живой.

– Системе удалось стабилизировать ветку. Энергетическое наполнение достаточно для одного перехода. Система предупреждает, что последующий переход будет возможен спустя тысячу сто двадцать семь часов.

– Учту.

Не было больше пузырей и живых пещер. Помещение, куда Оракул проводил Кайя, имело куда более привычный вид. Серые стены, блестящие, словно покрытые лаком. Гладкий пол – не каменный, но сделанный из какого-то ровного, теплого на ощупь материала. Светящийся потолок. Прозрачная кабина.

Из потолка кабины лилась вода, но не скапливалась в поддоне, куда-то уходила, а куда – Кайя не понял. Спрашивать постеснялся.

Дикарь.

Как есть дикарь, из тех, о которых Урфин рассказывал.

И как дикарь шарахнулся от собственного отражения, когда полупрозрачная стена кабины превратилась в зеркало. Не узнал себя же без рисунка.

Черные ленты исчезли. Вернутся ли? А если нет, то... Кайя наконец будет свободен от людей.

Кабина его все-таки выпустила, а Оракул принес одежду, кольцо, медальон и нож.

– Система отслеживает местонахождение объекта. Объект не покидал периметр.

Объект. Изольда. Дома.

В замке.

Ждет.

Домой хорошо возвращаться, когда ждут.

– Система обращает внимание на нестабильность ситуации. Вероятность кризиса – шестьдесят семь целых и три десятых процента. Система не обладает достаточным объемом данных, чтобы рекомендовать оптимальную линию поведения.

Одежда непривычного кроя из тонкой, словно паутина, ткани. И Кайя немного не по себе: не хотелось бы порвать ненароком. Но ткань оказывается довольно прочной и, соприкоснувшись с кожей, прилипает к ней. Уплотняется. Меняет очертания.

– Система имеет необходимость в получении дополнительной информации о событиях региона.

Обычная ткань. Обычная рубашка, льняная и не слишком новая. Штаны кожаные. Кажется, точь-в-точь такие, в которых Кайя здесь появился. Медленнее всего формируются сапоги.

– Ты хочешь, чтобы я рассказал?

– Система просит разрешения на активизацию дублирующей системы модулей наблюдения.

Так. Если система дублирующая – Кайя несколько запутался в системах, – то должна быть и основная. И куда она подевалась?

– Основная была ликвидирована предыдущим объектом.

Отцом? Он уничтожил что-то – Кайя и примерно не представлял себе, как выглядят модули наблюдения, – принадлежащее Оракулу? И остался жив?

Это означает, что Оракул не имеет той власти, которую ему приписывают.

Он просит. Не приказывает, но просит.

– Я могу отказаться?

– Да. Система предупреждает о прогрессирующей ошибке достоверности прогнозирования. Интерполяция данных происходит без поправки на новые факторы, влияющие на конечный результат.

Наверное, это плохо. Жить под наблюдением тоже нехорошо.

– Задача системы – прогнозирование с целью сохранения стабильности мира. Отказ Кайя приведет к невозможности эффективного исполнения данной задачи. Система гарантирует сохранение и неприкосновенность полученных данных.

Он – не враг, вряд ли друг, но не враг точно.

– Модули позволят Кайя поддерживать связь с системой. Доступ к библиотекам будет открыт. Доступ к прогнозам будет открыт. Доступ мгновенного обмена информацией с другими объектами будет открыт.

Библиотека. Информация. Прогнозы. Выходит, Кайя мог иметь все это, но отец в очередной раз обрезал связь с миром. Зачем?

– Что я должен сделать?

– Подтвердить возможность доступа вербально.

– Подтверждаю.

Оракул все-таки умел моргать. Медленно смыкал веки и медленно же открывал.

– Дублирующая система модулей наблюдения активирована. Первичный сбор информации начат. Камера перехода ждет Кайя. Кайя следует ориентироваться на указатель.

Красная лента возникла на полу. Она вела за двери и по коридору, который постепенно менялся, возвращаясь к тому, изначальному своему обличью. Камера перехода и вовсе показалась до боли родной.

На этот раз не было взрыва, но исказившееся пространство вытолкнуло Кайя из камеры в храм. И только здесь он сообразил, что не поинтересовался, сколько же времени прошло. По ощущениям – немного. Но ощущения бывают обманчивы.

В храме стояла знакомая тишина. Мурана, сперва отпрянувшая, потянулась к Кайя, желая убедиться, что это он. Жив. Цел.

Дома.

А город гудел, но не зло, скорее... странно?

Хмельное какое-то веселье, с толикой безумия.

Радость. Злость.

Победа.

Кого и над кем?

Ночь. Костры жгут прямо на улицах. Музыка. Танцы. Люди пьяны.

Цыгане.

Торговцы.

Стража.

И люди в красных колпаках, которые наверняка что-то значат. Трое заступают дорогу Кайя и предлагают выпить за счастливые перемены.

...Иза...

Тишина. А в грудь тычат кружкой, расплескивая пойло на рубаху, только ткань не промокает.

– Прочь.

Кайя не слышит ответа.

До замка далеко, но он все равно ее не слышит. Даже эхо. Бежит, расталкивая тех, с кем случается столкнуться по пути, и люди сами спешат освободить дорогу. Кричат вслед.

Плевать.

Мост. Ворота.

Двор.

Не откликается.

Ее комната пуста, и давно. А в его собственной Кайя ждут.

– С возвращением, ваша светлость. Вы это ищете? – Лорд-канцлер выложил на стол серый браслет.

Система не лгала: маяк не покидал пределы замка. В отличие от Изольды.

– Как долго я отсутствовал?

Достаточно долго, чтобы опоздать.

На сутки? Двое? В городе Изольды нет. Вывезли. Как далеко? В каком направлении?

– Неделю. Боюсь, их светлость покинули пределы протектората.

Не лжет. Но за неделю добраться до границы...

– Присаживайтесь. – Кормак убрал руку от тамги. – Нам есть о чем поговорить.

Кайя знал, о чем будет этот разговор. Сделка. Условия. Возможно, договор гарантией исполнения – Кормак не поверит слову. Торг, который лишен смысла.

Согласие. И дальше как?

– Вы не спешите мне угрожать. – Лорд-канцлер смотрел снизу вверх, с интересом и легкой иронией.

– Повзрослел.

– Это замечательно.

Угрожать бессмысленно. Кормак не тот человек, который испугается угроз. Он знал, на что шел. Вывернуть?

– Кстати, мой разум тоже трогать бессмысленно. Мне известно лишь общее направление. Остальным занимается посредник. Вот, – рядом с тамгой появился плоский камень темно-красного цвета, – это связь.

Нить, протянутая между Кормаком и человеком, который находится за десятки лиг отсюда. Если связь прервется, Изольда умрет.

Кто посредник? Кайя выяснит. Позже.

– И договор. – Камень исчез в раструбе рукава, из второго Кормак вытащил бумаги. Патетичный жест престарелого фокусника. – Черновик. Но сами понимаете, что в ваших интересах не затягивать подписание. Посредника хватит еще на сутки.

Этого человека даже убить не хочется. Смерть – это слишком быстро и просто.

– Дункан, сколько у вас сыновей?

– Пятеро.

И дочь, которую вновь пытаются подсунуть Кайя.

– А внуков?

– Двенадцать... или тринадцать. Мальчиков.

Есть, кажется, и правнук, пусть бы и формально не относящийся к роду Кормаков. Дерево его рода давно переплелось корнями с иными деревьями. Родственные связи прочны. И не хватает лишь малости, чтобы возвысить свое имя над всеми.

– Вы понимаете, что, когда я закончу, не останется никого?

Не понимает. Надеется, что договор и закон его защитят.

– Все-таки угрозы? А мне казалось, что мы нашли общий язык.

Кормак не верит в старые сказки о войне и везении. Он слишком хорошо знал отца, а теперь ему кажется, что этого знания достаточно.

– Час у меня есть?

Часа для Оракула хватит?

– Даже два. И, Кайя, не следует воспринимать все как трагедию. Месяц-другой подождете, пока страсти в городе поутихнут. Народ ведь рад ее уходу.

Кайя понял. И запомнил.

– Но память у людей короткая. Остынут, и вернете свою женщину. Подарите ей дом. Лечебницу. Еще что-нибудь...

– Час.

Кормак ушел. А система откликнулась на зов.

– Вероятность кризиса – девяносто восемь и три десятых процента, – сообщил Оракул.

Здесь он был неплотным. Призрак, вылитый из металла, прозрачность которого менялась, словно призрак изо всех сил пытался удержаться в этом мире. Но черты лица его по-прежнему вызывали глухое бешенство.

– Ты можешь найти Изольду?

Тамга на столе упреком: нельзя доверять технике. Нельзя доверять людям. А кому тогда можно?

– Система не располагает возможностью идентифицировать объект среди множества иных объектов.

Следовало ожидать.

– Хорошо. Что будет, если я попытаюсь выиграть время и найти Изольду?

– Вероятность гибели объекта – девяносто девять и восемь десятых процента.

Кормак знает, что без договора он обречен. И угрозу исполнит.

– И что мне делать?

– Оптимального сценария поведения не существует.

Решать самому. Глупо было надеяться, что система подскажет идеальный выход. У нее своя логика и своя задача. Она лишь инструмент, сложный, но инструмент.

– Ты можешь вкратце рассказать, что происходит в городе? Основные моменты.

Вот докладывал Оракул замечательно: кратко, точно и по делу.

Итак.

Изольду не вернуть.

Кризиса не избежать.

К здравому смыслу Кормака взывать бесполезно, он уверен, что полностью контролирует ситуацию. Подчинил Гильдии гарнизон. Заручился поддержкой народа. И готов принять капитуляцию.

Кормак расписал все на годы вперед.

Ему так кажется.

– А теперь просчитай два варианта развития кризиса. – Кайя отложил бумаги. – Интересуют экономические и социальные показатели. Прогнозируемое число жертв. И судьба следующих объектов.

Думать о них как о людях не получалось. А прогноз Оракула в целом совпал с выводами Кайя.

– Система предупреждает, что второй вариант более деструктивен для Кайя. Система не гарантирует отсутствие необратимых изменений психики.

Хорошо. Как там дядя говорил? Разрушить себя до основания? Условия создадут. Надо пользоваться возможностью. Оставшиеся полчаса ушли на то, чтобы внести изменения в черновик договора.

Кормаку они пришлось не по вкусу.

– Вы серьезно?

– По обоим пунктам. Первый – мне нужны гарантии. Вы должны понимать, что любая попытка причинить вред Изольде повлечет за собой гибель вашего рода.

...что, согласно сценарию, в любом случае произойдет в течение двух-трех лет. И Кормака вряд ли утешит, что его род будет лишь одним из многих. Но условиям договора это не противоречит: Кайя ведь не собирается никого убивать.

– Второй. Мне нравятся паладины. Охота будет прекращена.

...должен же Кайя сделать хоть что-то хорошее для мира, пока тот еще стоит.

Лорд-канцлер пытался возражать. Но в конечном итоге подписал договор.

Посредник откликнулся.

Восточное побережье.

Остров Роанок.

Территория Ллойда. Тем лучше. Вряд ли Ллойд понравится, что его использовали.

Умирать холодно.

И долго.

Меррон устала ждать. Точнее, она не помнила точно, сколько ждала, но наверняка долго. Просто так усталость не появляется. А холод жил снаружи. Он то накатывал, то исчезал, и тогда начинало казаться, что, быть может, Меррон вовсе и не умерла, что еще немного, и она откроет глаза.

Заговорит.

Позовет на помощь... ведь должен же хоть кто-нибудь ей помочь.

Но когда Меррон набиралась сил, чтобы поднять веки – никогда прежде они не были столь тяжелы, – появлялась огненная кошка, которая ложилась на грудь. Кошка забирала последние крохи сил. А иногда, словно ей мало было просто лежать, кошка выпускала когти. И, длинные, они пробивали грудину, добивались до сердца.

«Что я тебе сделала?» – спрашивала Меррон кошку. Не словами, мыслями, текучими, словно мед...

...мед качали по осени. Старый бортник окуривал ульи полынью, снимал крышки, и ошалевшие пчелы ползали по голым рукам его. Никогда не жалили, точно знали – не заберет больше, чем нужно. Рамки с сотами отправлялись в поддон с высокими бортами, а на их место ставились новые.

Бортник как-то посадил на ладонь Меррон пчелиную королеву. И Меррон стояла, гадая, как это удивительное существо управляется с целым ульем? Пчел ведь многие тысячи! Меррон пыталась считать, но они улетали и возвращались... улетали...

Кошка смотрела на нее с упреком. Наверное, ей надоело приходить. Но кто же знал, что умирать так долго? Меррон постарается быстрее. Только пусть кошка вытащит когти из груди.

Держат.

И тяжесть ее.

И тепло, которого вдруг стало слишком много, чтобы справиться. Голос. Кошки мурлычат, а не грохочут, как река на перевалах... Меррон бегала туда кораблики пускать. Деревянные, с тряпичным парусом. Кораблики научил резать конюх. Он постоянно еще табак жевал, сплевывая под ноги желтую вязкую слюну. А пальцев на левой руке имел всего три, но этой трехпалой лапой управлялся ловко.

У Меррон так не выходило.

У нее никогда и ничего толком не выходило. Даже умереть.

«Но я постараюсь, – пообещала Меррон кошке. – А потом мы попадем в мир, где нет войны. Войны нет, а дерево должно остаться... я сделаю красивый корабль. Мы вместе его запустим. Знаю, что кошки воду не любят, но тебе же не обязательно купаться. Ты на берегу посидишь. Только вытащи когти».

Кошка зашипела.

Вот глупая.

И Меррон тоже. Цеплялась за жизнь. Зачем? Кому Меррон здесь нужна, кроме тети. Только Бетти наверняка убили. Меррон знает это... откуда? Оттуда, откуда знает, что еще не мертва. И будь Меррон сильной, она бы выжила назло всем и еще, чтобы отомстить.

Но Меррон слабая.

Это ее тайна, о которой не знает никто, кроме кошки.

А та смеется.

Склоняется к лицу, щекочет длинными усами. Дышит. Какой мерзкий запах... кошка должна прекратить есть всякую гадость! Или хотя бы отодвинуться!

Ей что, сложно?

Наверное. И Меррон, желая избавиться от кошки, открывает глаза. Та и вправду исчезает, но в остальном ничего не меняется. Почти. Темно. Все еще жарко. Мокро, особенно под спиной. И грудь сдавило так, что дышать невозможно.

– Вот так, дорогая...

Как – так?

Провал. Пробуждение.

С каждым разом все более долгое. К Меррон возвращались чувства. Ее неподъемные ладони касались дерева. А нос обонял знакомую смесь химических веществ, некогда наполнявшую лабораторию дока. Но к этой смеси примешивались запахи соломы и навоза. Ее укрывали тяжелым овечьим тулупом, и порой в окружающем Меррон мире не оставалось ничего, кроме этого жаркого надежного убежища.

Сам мир был невелик, размером с повозку, пожалуй.

Позже Меррон убедилась в правильности догадки. Но сейчас она училась различать контуры вещей, заполнивших повозку. Ящики. Короба. Связки книг. И кофр с инструментами. Пучки сушеных трав свисают с потолка. Повозка едет, качается, и травы качаются тоже, пучки трутся друг о друга, ломают и роняют сухое былье на Меррон. Скоро она сумеет уловить и эти невесомые прикосновения.

А потом, глядишь, заговорит.

И спросит, почему она выжила.

– Ты не выжила, – сказал док, убедившись, что Меррон способна его понимать. – Меррон Биссот, как и ее тетя, были убиты повстанцами.

Какими повстанцами?

– Теми, что пытались захватить власть в протекторате. Но лорд-канцлер, Совет и народное ополчение не позволили совершиться непоправимому...

Меррон не видит лица дока, но различает оттенки его голоса. Ужасно то, что посмеяться вместе с ним не выйдет.

– ...Дар Биссот и леди Изольда вынуждены были бежать...

Док замолкает, сжав запястье Меррон. Пульс считает? Зачем?

Наверное, думает, что эта новость Меррон огорчит. Но она ведь все знала, раньше и потом, возле Башни, тоже.

[Купить полную версию книги](#)